

АРИН

Анюта Соколова

Сказка, наваянная чарующим светом,
проникающим через листья,
мягким мхом под ногами,
запахами трав
и тишиной
леса

Анюта Соколова

Арин

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67728345

SelfPub; 2023

Аннотация

«Кто раздувает вражду в Авендуме? Итлунги. Кто насылает порчу и болезни? Кто скрывает от всех знания и мудрость, не желая ими делиться? Опять они». Люди и итлунги тысячу лет существуют вместе, но мир между ними хрупок. Дочь простого землевладельца из далёкого Мердена, Арин не ищет приключений, вполне довольная своей жизнью и скромными магическими способностями. Но пройти мимо, когда на её глазах совершается страшное преступление, она не в состоянии. Так девушка против своей воли оказывается втянутой в события гораздо более серьёзные, чем борьба за власть между кланами итлунгов. Теперь от неё зависит, вспыхнет ли война в Авендуме, исполнится ли Последнее Пророчество, или ей по силам изменить мир – и измениться самой. «Ведь самое непостижимое чудо – то, какими прихотливыми и извилистыми путями мы добираемся до нашего счастья».

Анюта Соколова

Арин

*Сказка, наваянная чарующим светом,
проникающим через листья,
мягким мхом под ногами,
запахами трав
и тишиной
леса*

Иногда прошлое внезапно, без всякой причины и без предупреждения накатывает на меня, словно могучая волна, и перед глазами всплывает одна и та же картина, врезающаяся в память навсегда. Я вижу крышу своего дома, покрытую потемневшей от времени бурой черепицей, старые яблони нашего сада, гнущиеся под тяжестью спеющих плодов, поля, залитые утренним светом, серебристо поблёскивающую змейку реки за ними и над всем этим – тёмную полосу Леса вдалеке. Всё, как оно выглядело в *тот* день ранней осени, когда я мимолётно оглянулась на бегу. В день, положивший начало всему.

Тогда *тот* день ещё не был *тем*. Скорее, это был на редкость неудачно задавшийся денёк. Я поссорилась с отцом и нагрубила Лёте. И ведь я, хоть подчас и бываю излишне рез-

ка на слово, отнюдь не грубиянка, ничего подобного, отца обожаю и к Лоте, при всех её капризах, отношусь как к младшей сестре. Но если мой папочка в разгар сбора урожая, порой острой нехватки рабочих рук на всех хуторах, как бы между прочим, предлагает мне прокатиться в Скиё на ярмарку...

Однако, всё по порядку.

Мой отец, Хэск, – крупнейший землевладелец Скируэна. Вся земля в округе, видимая взглядом с верхушки самого высокого дерева, и продолжение её, не различимое ни с какой высоты, принадлежит ему. Я его единственная дочь и наследница. Моя мама умерла, едва повивальная бабка приняла меня на руки, двадцать девять лет тому назад, из чего легко можно сделать вывод о количестве прожитых мной лет. Отец у меня необыкновенный. Ни один из наших соседей не способен взглянуть на него сверху вниз. И не только из-за его роста, но и вследствие уважения, испытываемого к нему. Он может одной рукой остановить разъярённого быка и согнуть железный прут толщиной в палец. С соседних хуторов всегда посылают за ним в надежде услышать справедливый совет. Но я не помню, чтобы хотя бы раз отец повысил голос или применил силу при решении спора. Как бы я ни шлодила в детстве (а проказничала я немало, уж поверьте), самым ужасным наказанием было укоризненное покачивание головой.

Наш хутор расположен прямо на границе обитаемых зе-

мель. Дальше нас только Мердэн, Лес без конца и края. Когда люди впервые появились в Авэндуме, Лес с любопытством рассматривал их с высоты вековых деревьев, и поныне стоящих там же, где и во времена Переселения. Люди обжигали новые места, и он доброжелательно кивал им ветвями. Теперь мы привыкли называть этот мир своим домом, но Лес – он всё тот же, неизменный, величественный и прекрасный, каким был в те времена, когда Авендумом владели итлунги.

Не представляю, как, родившись в Мердене, можно не прирасти к нему всем сердцем и стремиться куда-то ещё. Ни разу, став самостоятельной, я не задумывалась о том, чтобы покинуть родные места. Грызая и терзая науки в школе Ские, ближайшем к нам городке, я скучала по нашему безлюдью, по тишине Мердена, по Лесу. Когда бродила по нему, мне казалось, что сейчас меня окликнут герои легенд и я перенесусь во времена Лиэйрала и королевы Ифэнны.

Говорят, земли вокруг Эрлинга, столицы Авендума, претерпели значительные изменения за тысячу лет с момента Переселения. Скируэн менялся мало и неохотно. Мерден же остался таким, каким его увидели люди, приведённые в новый мир Лиэйралем.

Положение дочери богатейшего земледельца не избавляет от участия всех хуторянок: подъём с первыми петухами, кухня, хлопоты по дому и обязательное участие во всех работах, что идут на полях, в саду и огороде. Белоручкой и неженкой не вырастешь. Да и к богатству своему относишься без

спесивого носозадираательства. До определённого возраста я и вовсе не придавала ему значения. Вот когда во всём Скируэне ко мне не посватался только ленивый, в полной мере осознала тяжесть отцовского наследства. Последнего из таких женишков я полгода назад собственноручно спустила с крыльца, на прощание веником выбив из него пыль (и дурь, надеюсь!). Ишь, нашли лёгкий способ преуспеть, не прилагая усилий! Будто я не знаю истинной причины их скоропостижно возникших чувств! Причины, увы, единственной – потому что другой просто быть не может.

Во всех легендах дочь лорда (главы рода, старейшины клана, разбогатевшего торговца – смотри по тексту), кроме обладания половиной королевства, ещё и прекрасна, словно волшебный сон. Жизнь не похожа на сказочные предания. Я некрасива. И лёгкость, с которой говорю об этом сейчас, вовсе не означает, что когда-то не восставала против этой суровой истины всем нежным девичьим сердцем, охочим до преклонения, любви и ухаживаний. Потом поняла: или я смирюсь с действительностью, или продолжу сама отравлять себе жизнь. «Не родись красивой, а родись счастливой», – частенько повторяла Нэда, моя дорогая няня, пытаюсь меня утешить. Неда была стара и обладала мудростью, свойственной её возрасту, но вначале, после каждого сватавшегося ко мне бездельника, рассматривающего меня в качестве досадного обременения своего обеспеченного будущего, я втайне часами ревела в подушку и старательно обходила зерка-

ла́. Вот только люди – существа выносливые. Пережив разочарование, мне удалось обрести душевное равновесие. Теперь, когда я здороваюсь со своим отражением, вижу смуглую невысокую женщину, с волосами цвета прошлогодних листьев и насмешливым взглядом серо-голубых глаз. Она спокойна и уверена в себе. И пусть всё, чему полагается быть округлым, угловато, а остальное, наоборот, чересчур широко, пусть нос далёк от утончённой формы, щёки впалы, а подбородок заострён, – это не мешает ей быть довольной своей жизнью. Я больше не боюсь глядеть в зеркало. Оно уже не преподнесёт мне сюрпризов.

Но отец – всегда отец. Он не верит, что его дочь удовольствуется участием старой девы. Ему позарез необходимо устроить её семейное счастье и лицезреть полчища орущих и ползающих внучат. Ради этого он готов на всё. Даже отпустить дочь в период сбора урожая на ежегодную ярмарку в Ские, куда съедется весь окрестный люд и множество народу издалека. Вдруг среди прихорошившихся ради такого случая парней окажется некто, с кем строптивая дурнушка согласится связать свою унылую одинокую жизнь?!

Конечно, отец не сказал это прямо. Просто предложил «развлечься». Но я-то понимаю, что в разгар страды, когда наши работники, Нйре и Кйни, едва справляются, а во всём Скируэне днём с огнём не найдёшь незанятого человека и все торопятся закончить работы до первых заморозков, предлагать мне провести недельку-другую в Ские мож-

но только из жалости за несложившуюся судьбу дочери.

Больше всего на свете ненавижу, когда меня начинают жалеть. Я вспыхнула, словно сухая солома, и немедленно высказала отцу всё, что думаю о замужестве, ярмарках, девицах, бегających в поисках мужей, и тех, кто полагает, будто меня хоть сколечко интересует подобное. Если бы отец на этом и остановился! Но нет, ему нужно было сделать вид, что он вовсе не подразумевал ничего подобного!

Я швырнула тряпку, которой домывала пол, так, что грязные брызги полетели во все стороны, и выскочила из дома не разбирая дороги. Нэльма, старая, толстая, ленивая псина, о которую меня угораздило споткнуться, с визгом шарахнулась в сторону, как от зачумлённой. Лота, важно гулявшая по двору, округлила и без того огромные глаза, подскочила ко мне и участливо спросила:

– Поругалась, да?

Ценой невероятных усилий мне удалось сдержаться. Лоте семнадцать лет, она чиста, простодушна, доверчива и прекрасна, словно в ней течёт часть итлунгской крови. Полгода назад её с тёткой, единственных оставшихся в живых после пожара на их хуторе, взял к себе отец. Для удобства я зову Лоту сестрой, хоть и родня мы настолько дальняя, что, начиная выяснять, кто кем кому приходится, запутываешься ещё больше. Фίδα, её заботливая тётя, почтенная чопорная дама средних лет, благоговеет перед отцом и смотрит на меня с немим порицанием всякий раз, когда я проявляю свой кру-

той нрав. Лота же мила настолько, что, думаю, ей недолго осталось скучать в девичестве в нашем доме. Такое личико, как у неё, воспевают в стихах и изображают на картинках: водопад блестящих пшеничных локонов, пухлые губки бантиком, румяные бархатные щёчки и ярко-голубые кроткие глаза. У всего этого великолепия есть только один тайный недостаток, но, если она молчит, вряд ли о нём догадаешься. Сейчас она, к сожалению, не мочала.

– Арин, когда ты едешь в Ские? Я с тобой, ладно? На ярмарку приезжают аж из Эрлинга! Какие они привезут платья! Представляешь, по последней столичной моде!

Нет, я не представляла. Зато горела желанием узнать, откуда эти сведения про Ские.

– Твой отец вчера говорил с тётей. О том, что у тебя утомлённый вид и что хорошо бы тебе немного развлечься...

– В следующий раз, когда будете решать, что для меня лучше, сделайте одолжение, поставьте в известность! Я никуда не собираюсь! Так что забудь про новые тряпки, или пусть отец сам везёт тебя на ярмарку! – возмущённо рявкнула я.

Прекрасные глаза Лоты вмиг наполнились слезами. Ещё с детства вид чужих слёз всегда вызывал у меня смятение. Я оттолкнула её и помчалась прочь. Вдоль поля, через узенький мостик, выгнувшийся, словно ластящийся кот, спину над речкой Быстринкой. Туда, где растянулась тёмная лента Леса. Где никто меня не найдёт и не полезет со своей жалостью.

Лес ласково обволок меня мягкой приятной прохладой и чуткой тишиной. Лёгкая тень, падающая на тропинку, стелилась под ноги, будто кружевная шаль. У развилки я перевела дух. Где-то высоко нежно и звонко пропела невидимая птица, резные листья окари чуть качнулись, когда она взлетела. Я замедлила шаг. Здесь мне были знакомы каждый изгиб холма, каждое дерево и каждая травинка, я могла бы ходить тут с закрытыми глазами, не боясь заблудиться. Вот выступающий из земли валун, наполовину покрытый пышным бархатным мхом, на котором я частенько засиживалась с очередной книгой, без спроса одолженной у Неды. Вот поляна, заросшая глинеёй, огненно-алыми цветами со сладким, дурманящим запахом, где я не раз валялась, мечтая о всякой ерунде. Крохотное кристально чистое озерцо с яркими блестящими камушками на дне, окружённое гибкими ридвари, которые склоняются до самой воды, купая свои светлые тонкие ветви в искрящихся солнечных бликах. Как обычно, внутри меня возник благоговейный трепет от созерцания окружающей красоты. Лес, вечный и прекрасный, всегда встречал меня с материнской лаской, которой я не знала, но представляла именно такой – всё понимающей, бережной, ненавязчивой, всеобъемлющей. Лес. Мир итлунгов, позвавших и принявших нас когда-то. Он не изменился с тех пор, как по нему бродили лишь они, Хозяева, прекрасные, как сам Лес, утончённые долгожители. Он был всё тот же в момент Переселения, когда его из конца в конец пересекали

герои легенд и песен. В его тени стоял сам Лиэйраль, этими тропами ходила Святая Ёбла, первая Пророчица Арнхе открыла здесь свой великий дар. И тогда, и сейчас Лес оставался неизменным – невозмутимый, торжественный. Мир легенд и преданий, сохранённых нами в благодарность за Приглашение.

С досады я забралась довольно далеко и теперь присела перевести дух на залитый солнцем пригорок. Озорное утреннее солнышко лизнуло мне руки и пощекотало нос. Раздражение проходило. Ну что сердится на отца – он же мне добра желает! По-своему. А я...

Где-то вдалеке чавкнул мох, затем ещё и ещё. Я мигом вскочила на ноги. У меня чуткий слух, и, хоть звук был едва различим, я легко догадалась, что он означает. Сквозь чащу пробирались лошади. Кого это леший дёрнул направляться в Мерден Лесом? Паломников? Не похоже, те предпочитают наезженный тракт от Инеи или главную дорогу от Ские, что приводит к самому порогу нашего дома. Да и голосов не слышно. Сошли с Тропы? Странно, почему здесь, а не ближе к хуторам? И отчего так далеко от дороги?

Моё первое побуждение выйти навстречу путникам сменилось настороженностью. Звуки быстро приближались. Поколебавшись, я нырнула в густой куст веренны, плотная листва надёжно укрыла меня от случайных взглядов. Притаившись, я прильнула к малюсенькому просвету среди листьев.

Они появились в поле моего зрения почти сразу. Целый отряд, десятка два лошадей. Одеты в нечто серо-зелёное, неприметные фигуры с низко надвинутыми на лица капюшонами. Тихое звяканье выдавало не видимое под плащами и куртками оружие, в слишком большом количестве для обычной лесной прогулки.

– Здесь, – повелел надменный голос, и скомандовавший выехал вперёд.

За ним последовал второй всадник, остальные остановились на краю поляны.

У меня перехватило дыхание. Не от вида людей – на них я пока не смотрела. Не от звучания бесцветного голоса говорящего, привыкшего к беспрекословному повиновению. Словно заворожённая, не могла я отвести взгляда от тех, на ком сидели эти двое – восседали так спокойно, будто для них это было само собой разумеющимся и привычным.

Шесть мягких лап. Широкая покатая спина, лобастая голова и тёмные остроконечные уши с длинными кисточками на концах, чуть подрагивающий пятнистый хвост. Существа из легенд, таинственные, скрытные и непостижимые. Мирцри. Мне стоило больших усилий подавить крик. Создания, до этого мига существующие лишь на страницах книг, стояли так близко, что я могла рассмотреть влажные трепещущие ноздри и выпущенные когти лап. Огромные глаза мирцри были тусклыми, словно затянутыми белёсой плёнкой. Мне стало не по себе.

Тем временем по знаку предводителя двое всадников спешили и выволокли вперёд большой, наглухо завязанный мешок. Судя по тому, с каким трудом они его тащили, – весьма тяжёлый. При помощи двух лопат, за которыми им пришлось вернуться к своим коням, прямо под моим пригорком в каких-нибудь три счёта была выкопана яма, и молчаливая пара грубо спихнула туда мешок.

Предводитель довольно качнул головой и пробормотал что-то себе под нос. На секунду воздух вокруг еле заметно потеплел, вынутая почва заколыхалась и лениво заползла обратно в яму. Я вздрогнула. Заклятие Возврата, да ещё какое мощное! Вскоре о том, что земля была разрыта, не мог бы догадаться абсолютно никто. Даже мелкие травинки и сучки заняли своё прежнее место. Я впилась взглядом в мага. Под капюшоном шёлкового серо-зелёного плаща черты лица были малоразличимы. И невыразительны – гладко выбритый подбородок, поджатые губы, бескровные щёки, сухой нос. Сощуренные глаза издали казались тёмными щелями. Ничем не примечательное лицо.

– И всё-таки неужели так необходимо было тащиться в эту глухомань? – недовольно проворчал его спутник, тот, что выехал вперёд вслед за магом. – Какая разница, Керт, где это будет гнить? Закопали бы на городской свалке – всего и делов-то.

Голос был сочный, бархатный, раскатистый. Тем не менее он не понравился мне – возможно, из-за раздражающей

манеры растягивать слова. Его обладатель под капюшоном не прятался, выставив на обозрение гордо вскинутую голову, увенчанную драгоценным обручем, из-под которого струился поток блестящих, тщательно завитых пепельных прядей. Прекрасному профилю незнакомца мог бы позавидовать любой из воспетых в сказаниях героев. Не человеческих, разумеется, потому как являлся он, без сомнения, итлунгом, и, судя по поведению, весьма знатного рода. На белой холёной коже играл лёгкий румянец, ресницы были неправдоподобно густыми, щёки украшали обаятельные ямочки. Им можно было любоваться с утра до вечера, а с наступлением темноты зажечь свечи и продолжать упиваться дальше. Его хотелось описать в балладе о бессмертной любви или же изобразить на живописном полотне в пылу битвы над телом поверженного врага. Но маг, зовущийся Кертом, взглянул на красавца с презрением, словно на нечто недостойное его внимания:

– В этой, как ты образно выразился, «глухомани» никто и никогда, случайно поручив знакомому магу разыскать что-либо, не наткнётся на плоды наших трудов. Чем дольше я гляжу на тебя, Алькрен, тем больше сомневаюсь в правильности своего выбора. Как может лорд, потомок стольких блестящих представителей своего рода быть столь туп?

Тот усмехнулся – гаденько, краем чувственных полных губ:

– Туп я или нет, тем не менее будущий лорд – я. А ты, мой могущественный друг, как ни лезь из кожи вон, – всего

лишь Керн-ит-Ирт, и не буквой больше.

Я закусила язык.

Имя, насмешливо брошенное красавцем, не было простым полным именем итлунга, хоть и одно это выглядело странно для скрывающих свои имена долгожителей. Имя, произнесённое сейчас, звучало в Пророчестве. Том самом, Последнем Пророчестве Лиэйраля, о котором говорили шёпотом с замиранием сердца и тайным ужасом, поскольку предвещало оно события страшные, ведущие к краху мира, концу Авендума. Ибо на языке итлунгов, ныне забытом ими самими, сложном для человеческого понимания и оттого изученном вряд ли сотней людей, к которым по невероятному стечению обстоятельств относилась и я, это сочетание означало: «Обманувший доверие». Попросту – Предавший, чьё появление было предсказано тысячу лет назад Последним Пророчеством, настолько неясным, запутанным и противоречивым, да и жутким настолько, что и наши, и итлунгские мудрецы не сговариваясь утверждали, дескать, оно ошибочное.

Маг с именем предателя из Пророчества выслушал слова Алькрена с невозмутимым спокойствием. Не меняя брезгливого выражения бледного лица, он медленно воздел руку и с силой хлестнул красавца по щеке – так, что на холёной коже отпечатался багровый след.

– Не смей произносить моё имя вслух! – рявкнул Керт. – И благодари судьбу за то, что ты первый попался мне на глаза

из вашего вывода! Ты лорд лишь благодаря мне и только пока я терплю тебя и твоё скудоумие!

Получивший пощёчину, вопреки гневу, вспыхнувшему в золотисто-карих глазах, обиду проглотил – или, скорее, за-таил до лучших времён. Зато со всего маху пнул мирцри под собой, заставив его покачнуться. Затем проворчал:

– Что дальше, Керт? Дело сделано, пора возвращаться. Не хватились бы нас раньше времени.

– Два дня – короткий срок для возникновения подозре-ний, – свысока обронил маг. – Да и кто нас найдёт в этой глуши?

– Уж точно не Полок, – скривился красавец, – у старикаш-ки не хватит силёнок дотянуться сюда Сетью.

Керт не удостоил его ответом. Тронул поводья, разворачи-вая мирцри. Тот вяло послушался, движения были замедлен-ные и плавные. Заклятие Повиновения... неужели оно дей-ствует на мирцри?

– Любой, вставший у меня на пути, будет уничтожен, – не оборачиваясь бросил маг, – Полок или ты. Хоть сам лорд-повелитель.

Голос его был спокоен, но тем яснее прозвучала угроза.

Я жадно подалась вперёд, чуть не забыв о необходимости таиться, хорошо хоть, вовремя опомнилась.

Отряд, развернувшись, неспешно удалился, не совсем в ту сторону, откуда они явились, чуть правее. Всадники на обычных лошадях так и не приблизились, я даже не смогла

пересчитать, сколько их – десять, двадцать? Мох глушил шаги. Если бы не редкий хруст веток, итлунги двигались бы совершенно бесшумно. Выученные кони даже не фыркали. Я выждала немного для порядка и осторожно выползла из куста. Мысли в голове бились, натываясь друг на друга и сбиваясь в кучу.

Старые Пророчества всегда пугают. Словно из тьмы веков кто-то всезнающий и безжалостный грозит тебе пальцем – ужо я вас! Но встретиться с ожившим персонажем мрачной легенды оказалось не страшно – возможно, потому, что неопределённость принимает более пугающие формы, нежели вполне конкретный тип, который, как и все особи мужского пола, бреется по утрам. Во всяком случае, того панического, неудержимого ужаса, что неизменно ассоциируется с Последним Пророчеством, у меня не было. Скорее, любопытство. Кто же это сказал, что любопытство – первопричина доброй половины наших бед?

Он был прав, этот неизвестный.

Я стояла над местом, скрывшим от посторонних глаз то, ради чего этот отряд пробрался на самый край обитаемых земель, и размышляла, что это могло быть. Минуту спустя пришла к единственно верному выводу – чтобы узнать это наверняка, мне необходимо вытащить сей предмет на свет. Робкий голос разума попытался возразить, что наилучшим решением будет вернуться на хутор за подмогой или хотя бы за лопатой, только когда же я слушала этот голос?

Копать я принялась голыми руками при помощи короткой палки, подобранной поблизости. Почти сразу ободрала ногти в кровь, однако азарт подстёгивал меня, не давая передышек. Земля была мягкой и поддавалась легко. Через четверть часа я добралась до цели. Вскоре я с трудом выволокла его наверх – тяжеленный продолговатый мешок, завязанный с обеих сторон крепкой бечевой. Здесь мне пришлось повозиться, но победа всё равно осталась за мной. Заглянув внутрь мешка, я увидела нечто, в первый момент показавшееся мне светлой паклей. Размотав верёвку, отогнула мешковину и была вознаграждена лицезрением застывшего человеческого лица. В первую секунду я почувствовала раздражение. Приложить столько усилий, чтобы откопать труп! Во вторую – поняла, что ошиблась, назвав его человеком. Он был перемазан землёй до неузнаваемости (результат моих же усилий вытащить его на свет из мешка), но даже сквозь грязь проглядывали черты, позволявшие безапелляционно утверждать, что передо мной итлунг самых чистых кровей. Затем я задала себе резонный вопрос: с каких это пор трупы отвозят на край света, чтобы предать земле? Не проще ли закопать их под боком? Или, как выразился пепельноволосый красавец, оставить гнить на городской свалке?

Преодолев отвращение, я прикоснулась к коже своей находки. Она была тёплой. Уже без удивления нащупала и пульс – медленный-медленный, но ровный. Итлунг был жив! Его привезли в мой Лес и в полной уверенности, что никто

и никогда не найдёт этой могилы, закопали ещё живого – при такой мысли у меня поползли мурашки. Может, и мне не стоило её находить?

Я вздохнула.

Наверно, да. Но и закопать обратно в землю кого бы то ни было живьём я не в состоянии. Что остаётся? Перепрятать и бежать домой за повозкой. Так я и сделала. Тело оказалось гораздо тяжелее, чем выглядело, мне удалось дотащить его лишь до куста веренны. Для надёжности я прикрыла его ветками и мхом, за которым не поленилась сбегать подальше. Домой я мчалась так, словно за мной леший гнался. Отца заметила издали, подбежала и выпалила на одном дыхании:

– Нужно запрягать телегу. Я откопала в лесу итлунга. Он едва жив и нуждается в помощи.

Отец быстро глянул на меня и отложил топор, который держал в руке. Но идти к конюшне не торопился.

– Что значит «откопала»?

– То и значит! Вырыла, достала из земли! Какая разница? Он укоризненно покачал головой.

– Может, ты всё же объяснишь мне, что произошло?

Видя, что отец не тронется с места, не услышав из моих уст подробное изложение произошедшего, я топнула ногой, но безрезультатно. Пришлось терпеливо пересказывать то, чему я стала невольной свидетельницей, попутно признаваясь в своём любопытстве и его результатах. Отец внимательно слушал, слегка склонив голову. Когда я закончила – по-

молчал, поглядел на мои ободранные руки. И вдруг произнёс – негромко и очень серьёзно:

– Ты уверена, что тебе стоило лезть в эту историю, Арин? Пусть кланы итлунгов разбираются между собой. Ничего хорошего из твоего вмешательства не выйдет.

Я опешила.

– Папа, да ты что?! Хочешь, чтобы я оставила его там умирать? Ты мне ещё его обратно зарыть предложи!

– Нет, – вздохнул отец, – не предложу.

Он понуро повернулся, вывел из конюшни Дилку, самую смирную нашу кобылу, ловко и быстро запряг её в повозку. Я, прихватив старое одеяло, мигом взобралась на козлы. Отец устроился рядом, предоставив править мне.

Дорогой мы молчали. Так же молча перетащили итлунга в возок и вернулись восвояси. Пару раз отец порывался заговорить со мной, но не решился, хоть я и не противилась. Мою находку он отнёс в самую подходящую комнату – конечно же, мою, поскольку она располагалась на первом этаже, ближе прочих к выходу, и её единственное окно скрывали густые заросли жасмина. Когда-то моей была светлая горница на втором этаже, рядом с комнатой няни, но после смерти Неды я не смогла там жить... Светёлка перешла Лоте, я о том не жалела. Там, куда перебралась, было одно неоценимое достоинство: я могла войти и выйти в любой момент, никого не потревожив. Именно поэтому отец внёс мою находку сюда и торопливо удалился.

Я передёрнула плечами – не хочешь разговаривать, ну и не надо. Пошла в кухню, согрела воды. Вернувшись, первым делом стащила с моего «покойника» одежду. Кое-что пришлось с сожалением разрезать. Костюм был роскошным, из дорогой ткани, весь в прекрасных ручных вышивках, увы, безнадёжно испорченных грязью. Сапоги – из мягчайшей кожи, на таких тонюсеньких каблучках, что вряд ли их обладатель ходил по чему-либо иному, нежели ковровые дорожки и мощённые мрамором полы. И качество, и покрой костюма красноречиво указывали на столичное происхождение, но означало ли это, что и их обладатель родом оттуда?

Смочив мягкую губку, я начала смывать грязь с его лица и тела. Кожа под слоем пыли оказалась бело-золотистой, нежной, как у девушки. Никаких повреждений я не обнаружила – так, пара ссадин, да и то оставленных скорее моим неловким спасением юноши. Итлунг был совершенно невредим, дышал ровно и глубоко, но как-то очень медленно. Я хмыкнула. Заклятие Покоя. Не сон и не бодрствование, нечто среднее, зыбкое и опасное состояние, из которого не выходят без посторонней помощи, да и с ней возвращаются не всегда. На счастье безызвестного паренька, снимать и накладывать связующие путы Покоя я, без ложной скромности, умела неплохо. Меня то и дело просили зачаровать скот для дальних перевозок, и я никогда не отказывалась потренироваться. Для заклинания же что люди, что овцы – никакой разницы. Я привычно размяла пальцы.

– Арин, вот ты где! – отвлѣк меня голос Лоты. – Я видела, вы с отцом приехали вместе. Вы помирились? Ой! Кто это?!
– Понятия не имею, – откликнулась я.
– Откуда он?
– Из Леса.
– Как он там оказался? – Лота склонилась над лежащим. – Какой молоденький!

Итлунг действительно был совсем юн или казался таковым. Кто ж их, долгожителей, разберѣт. Думаешь, перед тобой женщина в расцвете лет, а она – ровесница твоей прапра-бабки. Неде на вид было лет шестьдесят... и кто знает, сколько она прожила на самом деле? Однажды няня проговорила, что видела строительство новой ратуши в Ские, а было это полтора-два столетия назад...

– Он болен? – продолжала забрасывать меня вопросами Лота. – Что с ним? Это заразно?

Такой повод выпроводить её нельзя было упускать.

– Вполне возможно, – преувеличенно серьёзно закивала я. – Кто ж его знает?

Лоту отнесло в сторону на добрый метр.

– Я... Кажется, меня тѣтя зовѣт, – и она буквально вылетела из комнаты.

подавив улыбку, я вернулась к прерванным занятиям. Точнее, одну руку положила на лоб итлунга, а вторую – на грудь. Сосредоточилась. Дождалась, пока ладони не ощутили исходящий от тела жар, и лёгким движением скину-

ла наложенное на него заклятие, словно сдёрнула тяжёлое ватное одеяло. Дыхание лежащего вмиг участилось. Он резко открыл глаза – золотисто-карие... затем зелёные, голубые, серые, жёлтые, опять карие... Радужки стремительно меняли цвет. Полный круг. Я закусила губу, чтобы не вскрикнуть. Всё детство, упиваясь легендами, описывающими столь стремительную произвольную перемену, данную только этому древнему клану, я мечтала увидеть её воочию. Тысячу раз представляла, как она происходит. И только сейчас увидела – когда совсем не ожидала.

Парень постепенно приходил в себя. Он с трудом приподнялся на кровати, затравленно озираясь. Заметив меня, впился взглядом уже установившихся, светло-карих испуганных глаз.

– Ты кто?!

Какой приятный, звонкий голос. Немного мешает хрипотца от долго действующего заклятия, но это пройдёт.

– Я Арин.

– Арин, – машинально повторил он, – Арин.

– Как ты себя чувствуешь?

Он пропустил мой вопрос мимо ушей. Огляделся уже осмысленно.

– Где я?

– В Скируэне. Точнее, в Мердене. В доме моего отца.

– Как я здесь оказался?

Врать мне не хотелось. Говорить правду было рано. Я оце-

нивающе глянула на его обеспокоенное лицо и уклончиво ответила:

– Я нашла тебя в Лесу. Ты был без сознания.

– Давно я здесь? – тревожно спросил он.

– Меньше часа, – честно призналась я.

– Ничего не понимаю... – еле слышно прошептал он.

Ещё бы понимать – после заклатья! Хорошо хоть, рассудок ясный, и за то спасибо. Могло быть и хуже.

– Как тебя зовут? – поинтересовалась я.

– Орри...

Он вдруг рывком сел.

– Какой сегодня день? До Мердена недели пути! А́льк выманил меня в полдень двадцатого... поганый предатель! Последнее, что я помню, – обещание, что моя смерть будет лёгкой и безболезненной... И я никому не сказал, на встречу с кем иду! Моё отсутствие обнаружено? Святая Гóрха, конечно же, да! Отец решит, что я сбежал! Меня ищут! Что мне делать?!

Вид у него был измученный и жалкий. Порыв лишил его остатков сил, и он со стоном откинулся на подушки.

– Для начала ты должен отдохнуть, – решительно проговорила я. – Что бы ни произошло с тобой, Орри, в этом доме ты в безопасности. Лежи, ни о чём не волнуйся.

Он попытался возразить. Я легко коснулась его руки, восстанавливающее Заклятие через моё прикосновение окутало его тёплой кисеёй. Беспокойство сменилось расслаблен-

ностью, он зевнул и прикрыл глаза.

– Спи, – кивнула я, – это лучшее, что ты можешь сделать... Орри.

Отца я нашла на том же месте, что и в прошлый раз, хотя по его виду было незаметно, поглощён ли он срочной работой. Окликнула негромко. И выпалила, пока не передумала:

– Этот парень не просто мальчик из клана. Он королевской крови, самой чистой, насколько я могу судить. Думаю, он сын Дирина, тот самый, которого лорд недавно признал наследником.

Отец повертел в руках топор, неторопливо положил его, зачем-то поменял местами пилу и банку с гвоздями. Потом не глядя взялся за молоток, который я тут же отобрала:

– Папа, ты слышал?!

– Слышал, – буркнул он себе под нос.

– Папа, – уже подавив раздражение, повторила я, – ты ведь понимаешь, о чём речь. Этот Керт буквально следует Пророчеству. Более наделённого властью подобрать невозможно, разве что самого лорда Авендума. Означает ли это, что конец света близок?

Он всё-таки соизволил взглянуть мне в глаза. Взгляд отца был до странного печален и затуманен. Словно он видел не столько меня, сколько что-то за моей спиной или вообще за тридевять земель.

– По-моему, это значит только то, что ты вляпалась в скверную историю. Но ты уже сделала выбор, Арин. Какая

теперь разница, что за кровь течёт в этом парнишке? Дело не в нём. Дело в том, какое продолжение последует.

– Да какое может быть продолжение? – искренне удивилась я. – Завтра он оклемается и поспешит в Ские, где к его услугам вся итлунгская знать, возможно, забыв даже попрощаться. А за ним по пятам пойдут убийцы.

– А ты мечтала бы опекать его и защищать?

Я фыркнула.

– Глупости!

– Тогда, дочка, послушай меня – хоть один раз в жизни. Пусть он уходит. И забудь о том, что ты его вообще встречала.

– Ты как-то чересчур серьёзен, – поморщилась я, – не вижу повода.

Отец вымученно улыбнулся.

– Считай, что я боюсь старых пророчеств.

– «...И некто с именем Предателя явится в Авендум, сея смерть и вражду на своём пути, и появление его будет знаменовать конец нашего мира, – с преувеличенным чувством процитировала я. – Он пойдёт к цели по трупам наделённых властью, и, когда он будет в двух шагах от победы, у Авенду-ма появится последняя надежда, но именно она ознаменует окончательное разрушение всего сущего...» Папа, ты что – веришь в это?

– Я верю в последнюю надежду, – кивнул отец, – верю...
Арин.

Наконец-то этот сумасшедший день подошёл к концу. На прощание он разразился проливным дождём — настоящим ураганом с завыванием ветра, успешно подражавшего ополумевшей ведьме. Нельма, повизгивая, ворвалась в дом и улеглась у камина с таким видом, будто все силы земные, небесные и человеческие, даже мой грозный веник, не посмеют выдворить её обратно в конуру.

Ужинали мы молча, в полнейшей тишине, словно на поминках. По случаю дождя Кини и Нире остались ночевать в домике на дальнем конце полей. Отец вернулся один, промокший насквозь, и, похоже, решил ни словом, ни жестом не возвращаться к нашему утреннему разговору. Фида всей своей позой выражала неодобрение моим поступкам и попустительству моего достойного родителя, но позиция бедной родственницы не позволяла ей высказаться во всеуслышание. Лота время от времени бросала на меня такие многозначительные взгляды, словно мы шпионы Дирина во вражеском клане, а она непременно должна поделиться со мной сведениями государственной важности. В общем, веселье царило ещё то, хорошо, что длилось застолье недолго.

Первым не выдержал отец, торопливо поблагодарил за ужин и ретировался к себе. Фида чуть ли не бегом припустила за ним, как будто пребывание в моём обществе позо-

рило её подкрашенные седины. Лота, распираемая любопытством, вертелась и так и эдак, даже – неслыханное чудо! – помогла убрать со стола, но я стойко игнорировала её намёки, и, разочарованная донельзя, она поплелась спать.

Перебив посуду и приборав на кухне, я заглянула в комнату к своей находке. Орри сладко спал, тихонько посапывая во сне. Поправив сползшее одеяло, обнажившее весьма привлекательные плечи, я поймала себя на мысли, что ситуация уж больно напоминает второсортный роман, из тех, которые украдкой от Фиды почитывает Лота. Далее, следуя неумолимой логике романиста, между мной и спасённым юношей обязательно должна была бы вспыхнуть бурная страсть, в результате чего я стала бы женой лорда и наследницей трона – в случае, если бы книгу писал человек. Автор-итлунг обязательно бы вывел прекрасный и трагический финал, в котором мой принц, обливаясь слезами, взял бы в жёны принцессу своего клана, а я кончала бы самоубийством на его глазах, перед тем не менее трёх страниц разражаясь величественными и скорбными монологами.

подавив смешок, я пошла готовить спальное место себе, его лишённой. Протапливать гостевые комнаты было уже поздно и, поразмыслив, я решила лечь прямо в гостиной, благо, любимое кресло отца позволяло устроиться с комфортом. Пододвинутая под ноги скамейка, пара одеял внизу и плед сверху. Получилось очень даже заманчиво. Я любовалась делом рук своих. Камин догорал, угли мерцали. Ветер

и ливень, особенно когда они были с той стороны дома, а я – с этой, добавляли уюта. Капли колотили по черепице. «Бим-бим, бим-бим-бим, бим-бим-бим-бим».

«Бах! – вдруг фальшивой нотой ворвалось в их мелодию. – Бабах!»

Я подскочила от неожиданности. Стучали в дверь, настойчиво так. Нахмурившись, я на всякий случай подобрала с пола увесистую кочергу, подкралась на цыпочках к двери и замерла.

«Бабах!!!»

Рывком распахнув дверь, я внутренне приготовилась ко всему – от компании виденных утром всадников до вторжения действующей армии включительно. Конечно, самонадеянно выходить с кочергой на армию, но ничего другого под рукой не нашлось. Между тем за дверью на крыльце стоял всего один человек, мокрый с головы до пят. Единственное, чем он, на мой взгляд, угрожал нашему дому, – перспективой залить свежeweмытый пол ручьями стекавшей с него дождевой воды. Он отшатнулся от занесенной над ним кочерги и замер. Некоторое время мы изображали немую группу неизвестного скульптора: он – в качестве застигнутого врасплох грабителя, я – в роли защитника отчего крова. Затем мне это надоело, я опустила своё грозное орудие и требовательно подступила к нему вплотную.

– Ну?!

Надо отдать ему должное, хоть он и был вымокшим, про-

дроги́м и ошело́млённым, ответил мне без испуга или неуверенности в голосе:

– Может, ты всё-такипустишь меня?

– Может, – согласилась я, – вот только разгляжу получше.

Здесь, надо признаться, я погрешила против истины. Рассмотреть что-либо при тусклом свете лампы и догорающего камина было невозможно.

– Смотри, – он скинул капюшон длинного плаща и отвёл его полы в стороны, показывая, что не прячет оружия под тяжёлыми складками. – Не желаешь ли обыскать?

Я фыркнула. Ещё не хватало копаться в грязной и мокрой, чужой, да к тому же мужской одежде! Я и так почувствовала бы металл сквозь любые слои ткани, кожи и вообще чего угодно! Непрошенный гость был не вооружён. Правда, одна из неписанных истин, заученных мной назубок, гласила: не стоит судить об опасности человека по количеству или отсутствию при нём оружия. Всё же я посторонилась и дала ему пройти. На досках пола, тщательно выскобленных мной аж два раза, незамедлительно образовалось озеро грязи пополам с красноватой глиной. Незнакомец явно пробирался через поля, ведущие от Леса, что давало пищу для размышлений, но не здесь и не сейчас. Бедственное положение пола его не волновало. Пришелец огляделся – настолько быстро, что это могло показаться произвольным движением глаз, – и опять бесцеремонно уставился на меня.

– Где он?

Я встала в позу верной жены, незаслуженно обвинённой в супружеской неверности: руки упёрты в бока, голова запрокинута, – и со всей возможной едкостью ответила:

– Если ты о хозяине этого дома, Хэске, то он почивает в собственной спальне заслуженным сном достопочтенного хуторянина. Если о Нире или Кини – то они храпят в сторожке на краю поля. Если ты имеешь в виду...

Он перебил меня невежливо и нетерпеливо:

– Нет. Где Орри?

Ну да. Орри. Конечно. Как всегда, запоздавшее на день спасение нашло свою цель. Лучше позже, чем никогда. Я уже собралась съязвить, однако незнакомец вдруг схватил меня за плечи и с силой встряхнул:

– Цел он? Что с ним успели сделать?!

Я аккуратно, по одному, разогнула его жёсткие пальцы, скинула с себя руки и расправила смятую рубашку. Незнакомец начинал мне не нравиться – тем, что испачкал мой пол, и тем, что, похоже, разбирался в происходящем гораздо лучше моего. Мне доставляло удовольствие дразнить его. И если я и поборола в себе это недостойное желание, то лишь потому, что в его голосе слышалась неподдельная тревога.

– Невредим твой Орри, – буркнула я, – пошли, покажу.

Он, хвала всем Святым, догадался скинуть плащ, стёкший на пол с лёгким плеском возле собачьего хвоста, покосился на Нельму (та даже ухом не повела) и пошлёпал за мной по коридору. Уже у двери я сообразила, что всё ещё держу в

руке кочергу, но возвращаться и ставить её к камину поленилась. Пусть думает, что у меня привычка такая – с кочергами разгуливать. Может, я и сплю с кочергой в обнимку, моё дело.

Незнакомец же, похоже, на это даже внимания не обратил. Шёл за мной молча и почти бесшумно, только вода ручьями стекала с волос и одежды и капала на пол. Над кроватью Орри он застыл, прислушиваясь к дыханию спящего. Будить и обниматься не полез, вопить и причитать не стал, глупыми вопросами не закидал. Постоял с минуту, кивнул и направился к выходу. Не дожидаясь меня, прошёл коридор, прекрасно ориентируясь в темноте. Вернулся в комнату и медленно побрёл в сторону двери.

– Ты куда? – опешила я.

Он остановился рядом с креслом, не отвечая и не уходя, словно задумался – а вправду, куда? Растерянно потянул за краешек плащ, от которого уже повалил парок.

Я вздохнула.

– Последняя вещь, в которую поверю, – то что тебе хочется провести эту чудесную ночь на улице. На тебе нет сухой нитки. Оставайся. Я постелю тебе...

Мои разглагольствования прервал шум от глухого удара. Я в ужасе обернулась. Незнакомец рухнул – к счастью, не на пол, а на тщательно приготовленную мною постель. Бросившись к нему, я обнаружила, что он крепко спит – на белоснежнейшей из простыней. После нескольких попыток я

убедилась, что затея разбудить его безнадёжна, поэтому пресекла свои бесплодные старания, как и выражения, отнюдь не подходящие девушке из приличной семьи, которыми они сопровождались. В конце-то концов, я сама предложила ему остаться. Плюнув, стащила с непрошеного гостя раскисшую куртку и скользкие от грязи сапоги. Даже укутала его пледом и развесила мокрую одежду на спинки стульев, придвинув их к камину, а плащ со злорадством отжала на хвост Нельмы. Затем заперла дверь на засов и поставила на место кочергу, подумав, что ночевать мне придётся в кухне. Но перед тем, как пойти спать, в третий раз за день проделала это.

Я вымыла пол.

Утро вырвало меня из блаженного сна воплями Лоты, солнечным блеском и нытьём всех без исключения затёкших мышц. Уснула я, разумеется, в одежде и сейчас открыла это для себя заново. Помятая и хмурая, я выскользнула через кухонную дверь к умывальнику и с наслаждением умылась, пытаюсь различить слова в истошном крике Лоты. Разобрав, облегчённо растёрлась твёрдо накрахмаленным полотенцем. Нельма из гостиной пробралась к Лоте в спальню, стянула с кресла выходную юбку и радостно на ней повалилась, взяв реванш за подмоченный хвост, отчего к юбке прибавились дополнительные украшения в виде клочьев рыжей шерсти,

следов зубов, ногтей и слюны.

Честно признаюсь, я боялась худшего. Например, выяснения, откуда взялся в доме ещё один спящий незнакомый человек. Я чуть ли не на цыпочках подкралась к гостиной и осторожно приоткрыла дверь. Комната была пуста. Одежда и простыни ровной стопкой лежали на скамейке, отдельно прилагалась та, что была верхней, в подсохших разводах дождевой воды. Плащ и прочая одежда исчезли. Разжигая камин, я даже определила куда – в заметно прибавившейся с ночи золе нашлась полуобгорелая застёжка от плаща незнакомца и подковки от сапог. Зря я прилагала столько усилий по приведению его гардероба в более приличный вид.

Я направила свои стопы к Орри. Стукнула пару раз в дверь, никто не отозвался. Зрелище застеленной кровати меня не удивило. Восстанавливающее Заклятье – дело надёжное. Парень должен был проснуться здоровым, свежим и отдохнувшим и поскорее покинуть приютивший его дом, дабы не давать объяснений невольным свидетелям злоключений царственнорождённого итлунга. Даже спасшим его бесценную жизнь. Всё так. Не стоит благодарности. Теперь я опять хозяйка в своей комнате, могу привести себя в порядок. Волосы от беспокойной ночи стояли колом, рубашку тоже хорошо бы сменить. Пара минут на переодевание и причёсывание, косой взгляд в зеркало – и бегом на кухню. Вряд ли Фида, привыкшая к накатанному ритму, затруднит себя приготовлением завтрака. Бегом за дровами, галопом за водой.

Вскоре на плите пыхтела овсяная каша, щедро приправленная маслом, а на столе благоухал поджаренный хлеб. На запах материализовались Нрике с Гóдни и Лота с утешающей её тётёй. Нельма сунула нос, повертела им и, улыбнувшись во всю морду Лоте, испарилась под её испепеляющим взглядом. Разложив кашу по тарелкам и заварив свой фирменный напиток из трав и ягод, я поинтересовалась у Нрике, не видел ли он отца.

– Хэск у реки, – ответил тот, уминая кашу за обе щеки, – разговаривает с незнакомцами. Занятная парочка. На паломников не похожи.

Вот это было для меня неожиданностью. Я уставилась на парня так, что он поперхнулся. Фида слегка толкнула меня ногой под столом. Отмахнувшись от неё, как поступала всегда, я забыла про стынувшую передо мной кашу и вприпрыжку понеслась к реке.

Они сидели на самом обрыве и мило беседовали. Орри расположился вполоборота к дому, вид у юноши был вполне здоровый. И чистый. Отец успел снабдить его одеждой поприличнее, из наших неисчерпаемых запасов, а от вчерашней грязи не осталось и следа. Вымытые и успевшие просохнуть на ветерке волосы (на мой строгий взгляд, длинноватые для парня) были аккуратно расчёсаны. Теперь, при ярком солнечном свете, я могла его хорошенько рассмотреть. Результаты впечатляли. Орри поражал красотой итлунга – правильной до тошноты. Собственно, внешность – это то, по

чему вы всегда безошибочно отличите итлунга от человека. Хотя попадаются исключения. По крайней мере, я встречала всяких. Увидев некоторых, несведущий человек никогда не догадался бы об их происхождении. Хорошо, что мой врождённый дар не позволяет ошибаться. Орри в этом отношении мог служить классическим образцом итлунга, обладая всеми общеизвестными признаками своего рода – изящным и в то же время мужественным сложением, совершенством черт одухотворённого лица, волнистыми волосами цвета спелой пшеницы, прямым носом, пушистыми тёмными ресницами, великолепным разрезом глаз и чарующей улыбкой. Он очень походил на отца, насколько позволяли судить многочисленные портреты Дирина, но черты казались мягче и одушевлённые.

Ночной визитёр сидел ко мне спиной. Он первым обратил внимание на моё появление, оглянулся через плечо и тут же отвернул голову, – то ли подобным образом приветствуя, то ли попросту пряча лицо. Орри привстал, любезно желая мне доброго утра, кивая грациозно и царственно. Вид итлунга не портила ни великоватая одежда, ни высокие фермерские сапоги из добротной кожи. Чего не скажешь о его товарище, на котором отцовские штаны и рубаха болтались хуже, чем на вешалке. Да и сложно было ожидать иного, учитывая немалые габариты моего родителя и необыкновенную худобу незнакомца.

– Арин, – обратился ко мне отец, – мы давно ждём, пока

ты встанешь.

– Я завтрак готовила, – огрызнулась я, – пришла вас звать. Что значит – давно?

Отец поёжился, он явно хотел сказать: «Ты бы не могла быть повежливее, хотя бы в присутствии посторонних?» Я сделала вид, будто впервые увидела берега Быстринки вкупе с окружающим их пейзажем и страшно заинтересована. Какое-то время все тягостно молчали. Орри первым мужественно нарушил тишину:

– Арин, твой отец рассказал мне о том, каким образом я очутился здесь, в вашем доме. Я понимаю, что обязан тебе жизнью, и, поверь, никогда этого не забуду. Моё положение... не самое последнее в Авендуме. При первой же возможности я отплачу добром за добро. Но пока я – опасный гость. Потому обязан покинуть Мерден, чтобы не навлечь на вас неприятностей. Нам нужно уходить немедленно...

– Куда? – перебила его я. – Обратно в Эрлинг? Да сделай ты полшага в этом направлении, Керт выследит тебя и поймает! Не сомневаюсь, на любой из дорог в столицу наверняка расставлены оповестители... Керн-ит-Ирт произвёл на меня впечатление злодея весьма обстоятельного, не упускающего мелочей.

Мои слова возымели последствия. Орри в ужасе отшатнулся, воззрившись на меня со странной смесью подозрительности, растерянности и отчаяния.

– Она права, – подал голос мой ночной гость. – Тебя нашёл

я, значит, отыщут и другие. Это вопрос времени. У нас в запасе полдня, может, день. Не больше. И крупные дороги в Эрлинг для нас заказаны.

Говоря, он поднял голову, и я смогла увидеть его лицо. Очень выразительное – худое, жёсткое, неприветливое. Казалось, его отлили из тёмной стали и били по нему кузнечным молотом до тех пор, пока не спрямили все округлости и плавные повороты, оставив одни выпирающие углы и прямые линии. Затем сталь закалили ледяной водой, отчего она застыла неподвижной маской – снаружи. Мне живо представилось, как внутри, под этим укрощённым слоем, она бурлит, пытаясь прорваться на свободу. Подтверждением тому служили глаза, хмурые, словно ненастное небо, но пронзительные и блестящие. Они напоминали низкие облака, сквозь которые пробился закатный луч. Остывший пепел костра с последним тлеющим угольком. Угасшую лаву, внутри которой теплится огонь вулкана. Казалось, нанеси ему рану, пойдёт не кровь, а раскалённая стальная масса. Губы его – я могла бы в том поклясться – никогда не улыбались. Их форма отлично подходила для гримас, усмешек, издёвки, иронии – только не для улыбки, нет. Впечатление усиливали небрежные пряди давно не стриженных волос такого же светло-серого цвета. Если бы я разглядела его вчера, то вряд ли пустила бы в дом и уж точно бы не оставила ночевать. Хотя то, что я сейчас жива, красноречиво свидетельствовало: мрачный вид моего ночного гостя ещё ничего не доказывает.

– Что же делать? – выдохнул Орри. – Здесь оставаться опасно. Керт скоро обнаружит, что я жив. И в Эрлинге меня наверняка будут поджидать убийцы!

Незнакомец дёрнул плечом.

– Я готов предложить вам любую помощь, которую в силах оказать, – произнёс отец. – Снабдить деньгами, провизией, лошадьми. Но меньше всего мне хотелось бы, чтобы вслед за вами появился отряд карателей, сровняв мой дом с землёй. Этому дому триста лет, знаете ли, и я им дорожу. Как и всеми, кто в нём живёт.

– Конечно, Хэск, – ответил незнакомец. – Мы уйдём. Решим только как.

– Открыто и с шумом, – опять встряла я. – По самому людному тракту, в разукрашенной лентами коляске. Желательно с песнями.

– Арин? – опешил отец.

– Я почти тридцать лет Арин! Ищут одинокого пешего парня или уже двух, без разницы. Кто будет присматриваться ко всем таратайкам, что мчат на гуляние в Ские? Нарядное платье, весёлый вид. На открытие ярмарки съедется вся округа, затеряться там легче лёгкого.

– А потом? – уныло спросил Орри.

– Придумаем, – ответил его сероглазый и сероволосый спутник.

– Тебе тоже придётся поехать, Арин, – неожиданно добавил отец. – Подозрений не будет вовсе, если ты сама посе-

тишь гуляния в Ские. Ты это понимаешь?

О да. Я понимала. Это была единственная возможность для наших гостей выбраться из Мердена, не привлекая к себе внимания. Взбалмошная дочь Хэска снизошла-таки украсить своей персоной празднества в Ские. Что тут такого? Не беда, если все решат, что я бегаю за женихами. Не беда, если об этом станут сплетничать в Скируэне. Не беда, если за моей спиной будет потешаться каждый встречный...

– Пожалуйста, Арин, – вдруг попросил незнакомец.

Что-то в его голосе напомнило мне про обещание Кернит-Ирта растоптать любого, кто станет у него на пути. О мирцри со стеклянными глазами. О том, что моё самолюбие может стоять жизни этим двоим, пусть я вижу их первый раз в жизни.

– Поеду. При одном условии.

– Каком? – встревожился, хорошо меня зная, отец.

– С нами поедет Лота.

– Ни за что!

– Ты с ума сошла!

Голоса Орри и отца слились в общем негодующем вопле. Сероволосый незнакомец нахмурился.

– Эта кукла с фарфоровым лицом? Да последний идиот не потащил бы с собой такую обузу!

Я фыркнула.

– Вот именно! Если вы так считаете, так подумает и Керт, и любой, кто встретит нашу тёплую компанию. Она – гаран-

тия того, что никто ни в чём серьёзном нас уже не заподозрит.

Какое-то время мы стояли с ним нос к носу, вылитые пехоты бойцовые. Затем он махнул рукой, не сдаваясь, но уступая.

– Арин, – уважительно протянул Орри, – ты не только храбрая, но и умная девушка.

Ха, а кто-то сомневался?

– Мы с радостью поступим так, как ты предлагаешь. Если, конечно, сама Лота не будет против. Мы можем выехать немедленно?

Последний вопрос был обращён к отцу, тот и ответил:

– Я заложу коляску, Арин соберёт всё необходимое и приготовит одежду. Это минут десять. Ещё полдня вы будете обхаживать Фиду, тётю Лоты, уговаривая её отпустить с вами своё бесценное чадо. Если она вообще на это согласится.

Итлунг помрачнел.

– А побыстрее нельзя?

– Проверим, – я собралась было припустить к дому, как вдруг вспомнила кое-что, заставившее меня притормозить и повернуться к сероволосому: – И последнее: как тебя зовут?

– Кто зовёт? – поморщился он.

– Я, например. Должна же я как-то обращаться к тебе в пути? Или мне самой придумать тебе имя? Учти, я испытываю страсть к древним вычурным именам – Эллингур, Авеллиг, Келангил.

– Рэй, – рявкнул он.

– Приятно познакомиться. – Я отвесила ему низкий поклон. – Завтракать будешь?

Лота разве что не прыгала от радости, узнав, что она таки поедет в Ские. Сказалось и то, что Орри лично попросил её составить ему компанию, под его лучезарной улыбкой растаял бы лёд Онгáрских гор, не только нежное девичье сердце. Окончательно я убедилась в действенности чар итлунга, когда менее чем за четверть часа он снискал благорасположение Фиды – чудо, не доступное мне все полгода.

Коляска с запряжённой парой резвых лошадей поджидала у крыльца, и Лота вплетала в длинные гривы Огонька и Звёздочки цветы махрового белого шиповника. Под пристальным взглядом Рэя, следившего за её действиями столь внимательно, словно он подозревал девушку в попытке причинить коням вред.

Я собрала в дорогу всё необходимое. Наконец, всё было готово, уложено и уложено, когда меня выловила вездесущая Фида, заявив, что в таком виде, как у меня, на празднике не появится ни одна уважающая себя девушка, что я подаю дурной пример Лоте и позорю отца. Штаны ей мои не угодили! Мои любимые кожаные, потёртые до блеска на коленях и сгибах, которые я сама себе сшила всего полгода на-

зад и носила почти не снимая! Я прямо заявила, что переодеваться не стану, тем более в моём гардеробе нет ничего подходящего для «уважающей себя девушки». Положение спасла Лота, торжественно вручив мне нечто голубое и воздушное, при подробном изучении оказавшееся юбкой. Под убийственным взглядом Фиды я напялила её прямо на штаны с сапогами. Свою любимую куртку с заплатами на локтях скатала и сунула под сидение. Строгая прямая блуза на мне рядом с пышным одеянием Лоты смотрелась словно деревенский мерин на фоне породистого рысака, но нареканий не вызвала.

Когда-то, в возрасте Лоты, я честно пыталась улучшить свой вид при помощи всего того, что было для этой цели придумано и людьми, и итлунгами. Я с воодушевлением гладила рюшки и оборки, крахмалила манжеты и пришивала кружева. Стиснув зубы, терпела пояса, стягивающие талию мёртвой хваткой удава, и чулки, сползающие и рвущиеся в самый неподходящий момент. Не помогло. На балльных вечерах в школе моё постоянное место было между пятой и шестой колоннами, считая от входа, – привычно застывшая статуя с горящими от напряжённого ожидания чуда глазами, позади вальсирующих пар. Так что, плюнув однажды на все ухищрения женского туалета, я почувствовала себя гораздо свободнее. Можете вы в облегающей юбке сесть, одну ногу подложив под себя, а вторую закинув на спинку кресла? Тот. А я в своих штанах могу и не такое. Мне было не суждено

ни родиться, ни стать красивой, но, по крайней мере, я не превратилась в глупую пародию на саму себя.

Лота умудряется выглядеть шикарно даже в глуши Скируэна. Всё, что я воспринимаю как пытку, для неё естественно и необходимо. Подозреваю, что она родилась уже в корсете, со шпильками в одном пухлом кулачке и щипцами для завивки в другом, а волосы на её младенческой головке были уложены ровными рядами кудряшек. Ей идёт всё, что бы она ни надела. Ежели Лота – упаси и сохрани! – накинёт на себя половую тряпку, половые тряпки немедленно превратятся в последний писк местной моды. Если же я наряжусь в шикарное платье, выписанное из Эрлинга, оно будет смотреться на мне...

– Арин, – мои размышления прервал голос отца.

Я перегнулась через край коляски.

– Будь осторожнее, дочка, – негромко произнёс отец.

Ох, будто я не в Ские еду, а на другой конец Авендума! С противоположной стороны закудахтала Фида, но её ахи – забота Лоты. Отец же смотрел так тоскливо, словно мы расставались не на пару дней, а месяца на два, и это не он вчера сам предлагал мне прокатиться в Ские.

А может, я несправедлива к отцу? Его дочь, единственная опора в старости, вместо домашних забот бегаёт по Лесу, откапывает там невесть кого, тащит в дом, не спрашивая имени, потом туда же является угрюмый тип подозрительной наружности, затем с этой милой компанией, прихватив

с собой для отвода глаз легковушную семнадцатилетнюю кузину, едет провожать их до ближайшего окрестного городка, а где-то поблизости рыщет вооруженный отряд под предводительством мага-итлунга с многообещающим имечком из древних легенд... Окажись я на месте отца, наверно, отшлёпала бы своенравную доченьку да на недельку бы заперла на замо́к – крупу разбирать и ума набирать. Он же лишь просит меня побережься... Хотя под замо́к – тоже бывало! Например, когда я в шестнадцать лет сбежала из дома, чтобы отыскать легендарную Затерянную обитель...

Ой-ёй-ёй, куда меня завели не вовремя всплывшие воспоминания! Я подобрала вожжи, глянула через плечо, все ли расселись, небрежно махнула отцу рукой, и коляска покатила. Огонёк резво взял с места, Звёздочка не отставала, с явным удовольствием разбрызгивая попадающиеся на дороге лужи, благо, после вчерашнего ливня их было предостаточно. Я не дёргала лошадей попусту. Дорогу до Ские эта пара знала не хуже меня, а мне было знакомо каждое дерево, каждый поворот и ухаб. Последних, к сожалению, было больше, чем хотелось бы.

Обычно путь до Ские – путешествие, не лишённое удовольствия. Но это верхом на моей Орлике, наедине со своими фантазиями и приятными мыслями. Или, наоборот, – в коляске с интересным и умным собеседником, с которым дорога становится и короче, и глаже. Сегодня компания позади меня наводила на невесёлые размышления. И, что го-

раздо хуже, размышлять мне, пожалуй, предстояло весь день в гордом одиночестве. Замечательный солнечный день пути. М-да.

Я покосилась через плечо. Орри быстро утратил свою обходительность, явно обронив её на первой же кочке. Понуро свесив голову на грудь, он опять напоминал того измученного и отчаявшегося парня, которого я откопала вчера. Рэй сидел словно жердь заглотив. Глаза прикрыты, то ли дремлет, то ли задумался. Лота растерянно теребила в руках цветов. Мне стало её жаль. Бедняжка, планировала весёлое развлечение, а получила поминальную процессию, где в качестве покойника – хорошее настроение.

Как бы там ни было, пока мы ехали лесом, я не мешала им кукуться. Но по мере приближения к тракту всё беспокойнее ёрзала на козлах и, едва копыта лошадей коснулись гравия большой дороги, бесцеремонно пихнула локтем в бок итлунга, изображавшего прародителя всех скорбей, и его сонного приятеля. Они аж подскочили, недоуменно и сердито уставившись на меня, один – переменчивыми светло-карими, другой – серыми глазищами.

– Нечего пялиться! – возмутилась я. – Тоже мне, горе-маскировщики! Вы на открытие ярмарки едете или на похороны любимой тётушки? Я одна за вас веселиться обязана, чтобы обеспечить достойное прикрытие вашим же дражайшим особам?

Орри часто-часто заморгал, словно филин, вытщенный

из темноты на свет.

– Не до веселья нам, Арин...

– Ой, глядите на них! Им не до веселья! Притворитесь! Вас с такими лицами в любой толпе обнаружить – пара пустяков!

Итлунг завздохал, повертелся, оглянулся назад, поддержки не получил – Рэй хранил стойкое молчание, подчёркнутое скептическим изгибом губ. Выдавив из себя гримасу, претендующую на громкое звание улыбки, Орри посидел так минут пять – и взорвался:

– Нет уж, пусть тогда все кривляются! К тебе это тоже относится, Рэй!

Тот воззрился на него, словно приятель предложил ему вопиющую непристойность. Я не сдержавшись усмехнулась – и была награждена негодующим взглядом.

– Я не шут, чтобы по заказу дурака валять! Забавлять не обучен!

Лота испуганно вздрогнула и выронила цветок.

– Эй, – быстро сказала я. – Без истерики, пожалуйста. Не умеешь веселиться, давай хотя бы разговаривать. Разговор для тебя не является унижением?

– О чём разговаривать? – буркнул Рэй.

– Да о чём угодно. О погоде, об урожае, об... – ой! – ужасных дорогах. Или о последних столичных сплетнях. Лишь бы со стороны мы казались давно знакомой дружной компанией.

– Может, вам будет интересно послушать про Эрлинг? – неуверенно предложил Орри.

Лота, мигом повеселев, кивнула.

Обстановка разрядилась. Вскоре я вполуха слушала забавные анекдоты итлунга о королевском дворе, гадая про себя – дать ему понять, что мне известно, кто он такой, или промолчать. Вполглаза присматривала за Реем, хмурившим лоб. Вдобавок ещё и пыталась следить за дорогой и полосой ольхи вдоль неё, на наше счастье, просвечиваемой солнцем насквозь, так, что не спрячешься.

– Или был ещё такой случай, – увлёкся Орри. – Итри́н, старшая фрейлина, на приёме в честь корсоланских послов в спешке не заметила, что парик на ней съехал набок. И вот, процессия входит в зал...

Прислушиваясь к нежному смеху Лоты, я размышляла – чем, ну чем этот царственный отпрыск перешёл дорогу Керту? И тому, с точёным профилем, которому не по Лесу шастать, а придворным живописцам позировать? Власть, не иначе. Пусть у Дирина детей с подходящей родословной больше нет, зато у его сводного братца, Нёрла, законных сыновей аж двое, и оба до недавнего времени метили в наследники. Корона – вещь заманчивая, из-за неё и подсуетиться не жалко. Но при подобных обстоятельствах всё подправляет удар кинжала, яд, подсыпанный в бокал, несчастный случай, наконец. Однако отвозить на край света, прибегая к заклятиям, явно желая убить не проливая крови... Кровь. В

памяти заворачивалась какая-то древняя легенда. Я наспигована этими легендами, словно праздничный гусь яблоками, вспомнить бы толком нужную.

— Тут парик у неё окончательно съезжает и шлѣпается прямо в церемониальную чашу посла. Итрин — в обмороке, корсоланцы в гневе, Дири́н в шоке — конфликт...

Нет, не помню. Всегда так: когда необходимо что-то вспомнить, именно это оказывается запрятанным на самом дне памяти, под толстым слоем ненужных пустяков. Вертится лишь любимая Недой присказка: мол, итлунги вымирают оттого, что так и не научились разбавлять вино водой, а кровь — чужой. Мне она не казалась такой забавной, как Неде, хоть Неда и была чистокровным итлунгом, а я человек.

При любом раскладе в семье из человека и итлунга рождаются только человеческие дети. Красивые, здоровые, одарѣнные — но обычные люди. Значит, для продолжения рода юным итлунгам приходится по пальцам пересчитать всех подходящих женихов и невест, а потом уж влюбляться. Ну, пусть не влюбляться, но выходить замуж только за одного из них. Или влюбляться в человека, но опять-таки выходить замуж за своего. Немудрено, что именно у итлунгов сложено столько легенд о трагической любви и столько суровых традиций, нарушить которые смерти подобно. Даже для сына и наследника лорда Авендума. Может, Орри что-то нарушил?

Да нет, не похоже. Какой из него борец с устоями! Обычный парень, обаятельный, воспитанный, красивый до оду-

ри, таких что на наших хуторах, что в королевских дворцах полным-полно. Вот приятель его – личность колоритная. Интересно, где ж его улыбаться отучили? Ишь, зыркает, словно сыч из дупла. Глаза злющие, колючие, от Лотиного смеха так его всего и переворачивает. Небось, дай волю – задушил бы нас обоих. Кто ж тебя, голубчик, так обидел? Мама с папой не лелеяли али невеста от ворот поворот дала? Правильно рассудила. С таким жить – себя не любить. Лучше сразу в петлю иль в бега. Чего, спрашивается, так ко всему относиться – словно и люди вокруг сплошные паразиты, и день солнечный – пакость одна, да и жизнь сама – бесполезная и мерзкая суета? С эдаким настроем проще самому руки на себя наложить, не страдать больше и других не мучить.

Я таких не понимаю. Как-то к нам на хутор забрёл один старик из странников, что ни дома, ни семьи не имеют, бродят себе по Авендуму, пока срок их не придёт. Этому вот истёк. Фрэл его звали. Он таял на глазах, не от болезни, от старости. Так Фрэл каждому новому дню как подарку радовался. Ветер ли дует, дождь ли льёт – всё он доволен, во всём красоту и правильность видел. Солнце выглянуло – праздник. Работники его чуть ли не на руках носили, всем он умел помочь, выслушать, посоветовать что-то дельное. Отец светлел, с ним беседуя. Когда через месяц Фрэл умер, я ревела как маленькая, словно кого родного потеряла. Для Фрэла жизнь была чудом, подарком, бесценным и многогранным. А здесь – молодой, сильный человек – и словно ненавидит

каждый проживаемый миг. Не знаю, как такими становятся, и знать не хочу.

– Арин, – окликнул меня Рэй.

Я аж вздрогнула. Он смотрел на меня пристально, прицельно и, видимо, давно. Надеюсь, мысли он не читает?

– Там люди.

Проследила за его жестом. Впереди показались коляски, три или четыре, верховые по бокам. Вглядевшись, я узнала Вэрика – здорового белого жеребца Тони, и облегчённо вздохнула.

– Это компания с соседнего хутора, с Дубков. Полным составом – на ярмарку. Сейчас вообще народу потянется уйма, в пыли утонем. И почти все – знакомые. Посему советую побольше улыбаться, на вопросы, ежели таковые будут, вежливо, а главное – молча кивать... и прибавим-ка ходу!

Незаслуженно, как им казалось, подстёгнутые, Звёздочка и Огонёк обиженно рванули так, что я опрокинулась назад. Мы вихрем пронеслись мимо старого Бэрна, прооравшего нам вслед приветствие, ответили на него таким же радостным и неразборчивым воплем, оставив пыль от их колясок позади.

С Тони было не столь просто. Верик в три скока поравнялся с нами и пошёл бок о бок.

– Привет, Арин! – прогудел мне в ухо мой друг детства, товарищ по играм, бывший одноклассник и незадачливый жених, ныне почтенный отец семейства из прелестной жены

и трёх очаровательных девчушек-погодков.

– Привет, Тони! – преувеличенно радостно завопила я, словно только и мечтала повстречаться со своим соседом.

– Собралась-таки?

– А то!

– Как Хэск?

– Здоров, спасибо. А куда ты Хёлли запрятал? Её не видно.

– Мйна опять покашливает, вот она и осталась.

– Мина у тебя слабенькая. После Духова дня привози её, посмотрю.

– Спасибо, Арин!

– До встречи, Тони!

– Счастливого проветриться!

Тони осадил Верика и отстал в ожидании своих. Я перевела дух.

– Почему он не спросил, кто с тобой? – незамедлительно последовал вопрос Рэя.

– Потому, что незнакомые люди у нас с отцом не редкость.

– Это как?

– А так. Мы здесь на краю света. За нами только Мерден, Лес, начало Переселения, живая святыня. Паломников – пруд пруди, семьями ходят, целыми толпами. И каждый может рассчитывать на отдых в доме Хэска по пути туда и обратно и любую помощь, которую мы в силах оказать. Думаешь, вы первые, кого я подвожу до Ские?

Рэ́й озадаченно нахмурился.

– Зачем вам это? – подозрительно спросил он, помолчав.

Я передёрнула плечами.

– Позади нас нет ни дорог, ни поселений, ни следа человеческого жилья. Может, потому в Мердене особенно остро чувствуешь потребность быть человеческим?

Он неопределённо хмыкнул, но дурацких вопросов больше не задавал. Колясок попадалось всё больше. Знакомые окликали меня, перебрасывались замечаниями о здоровье и урожае, парни атаковали Лоту шуточками, девушки строили глазки Орри. И неизменно отставали: Огонёк и Звёздочка оправдывали звание самой многообещающей нашей пары. После полудня бега они даже не вспотели, шли легко и красиво, словно паря над дорогой.

Солнце заливало лес потоками света, постепенно приобретающего тёплый вечерний оттенок. Освоившаяся Лота донимала Орри вопросами, их речь доносилась до меня, словно звонко журчащий ручеёк, перемежаясь весёлым смехом. Благодать. Временами мне начинало казаться, что я и впрямь подвожу обычных паломников, посетивших Мерден и притомившихся в пути. Монотонная тряска успокаивала, убаюкивала.

– Арин, – вернул меня на землю голос Рэя, – мы скоро будем в Ские?

– Ещё засветло. Ты торопишься?

Он пронзил меня злым взглядом.

– А ты нет?

– Если б не спешила, не гнала бы лошадей, – подчёркнуто сдержанно ответила я. – Не дёргайся: часа через два будем в городе.

– Оттуда есть обходные дороги в Лессанг?

– Можно воспользоваться трактом до Онэма, затем на Корсалан, к Инее, а оттуда уже недалеко.

– Корсалан слишком густо населён. Нельзя ли его миновать?

– Если махнуть через Харзён, так даже ближе, но комфорта поубавится, учти. Ещё есть путь вдоль Сónны, на Рир, – тут я взглянула ему в лицо. – Только это всё дороги, Рэй. Ты уверен, что вам с Орри нужны простые... пути?

Он мгновенно подобрался, ошетинился, словно потревоженный ёж.

– Что ты имеешь в виду?

– Только то, что дороги доступны всем. Путникам и торговцам, стражникам Дирина и шпионам Керта. Авендум же – это Лес. Со своими путями, уводящими далеко от погони.

Он понял. Клянусь – понял сразу, хоть я и говорила намёками.

– И в Ские найдутся маги-проводники, умеющие максимально сокращать путь?

– Если хорошо искать, отыщутся. К тому же проводнику необязательно быть магом. Вести по Тропам может и любой опытный человек. Время же зависит лишь от вашей живуче-

сти. Хотя я бы не стала подвергать новому риску только что вышедшего из-под Заклятия Покоя.

Он смотрел на меня в упор, жёстко, словно пытаюсь разглядеть мои мысли и даже внутренности.

– Дырку прожжёшь! – фыркнула я.

– То, что ты предлагаешь, более чем разумно, – ответил он не отводя взгляда. – Если бы не одно обстоятельство. Не вызовут ли двое чужаков, идущих Тропами, больше внимания, чем пара обыкновенных паломников, следующих привычным маршрутом?

Я выдержала его колючий взгляд.

– Что тебя больше волнует: любопытство редких случайных встречных или выигранное время? Любая дорога в столицу – месяц пути. Лесные Тропы сокращают его до недели, шести, пяти дней. Иногда, как в случае с Кертом, даже до двух. А впрочем, чего это я тебя уговариваю? Ваше дело, как вы решите добираться до Эрлинга. Я согласилась довезти вас до Ские, там мы расстанемся, и что с вами будет дальше – не моя забота.

Он с усмешкой отвернулся и замолчал. Я из принципа стала смотреть в другую сторону. Действительно, чего это я за них переживаю? Тоже мне, благодетельница выискалась! Совершенно чужие мне личности, ничего о себе не рассказавшие, и кто знает, может, ничем не лучше Керта. Случайно мы повстречались и через пару часов разойдёмся, навсегда забыв друг о друге. Я вернусь в Мерден вести незатейли-

вую жизнь хуторянки, они уйдут навстречу опасности, скорее всего, гибели... Между нами нет ничего общего, разве что одежда, которую одолжил им отец.

Дорога тем временем расползалась вширь, выравниваясь и обрастая плетёными изгородями, увитыми бело-розовыми пахучими выюнами. За изгородями виднелись свежееубранные поля и редкие гряды с поздней капустой. Лес отступал, маяча вдали плотной тёмно-зелёной стеной. Стали показываться красные черепичные крыши домов, утопающие в зелени садов. В Ские мы въехали, как я и обещала, засветло. Предварительно договорившись с Орри о том, где их высадить, я лихо развернулась перед крупнейшей в городе гостиницей с громким названием «Приют старого короля».

Сомневаюсь, что король, даже и посетив когда-то Скируэн, остановился бы в Ские, да ещё и в подобном заведении. И почему король – старый? Люди преклонного возраста обычно дома сидят, а не шастают по задворкам королевства. Изображённый на вывеске король был: во-первых, лыс, во-вторых, толст, в-третьих, в стельку пьян. Вдобавок, трезубое нечто, выдававшее себя за корону, держалось на его глянцевой лысине, по-видимому, при помощи гвоздя, иначе оно неминуемо скатилось бы с головы, и заведение пришлось бы переименовывать в «Приют старого выпивохи», на мой беспристрастный взгляд, куда больше соответствующее истине. Публика здесь обитала самая разношерстная. Почтенные отцы семейств, окружённые свитой родственни-

ков и приживальцев, с выводками отпрысков всех возрастов, от орущих младенцев до бородатых детин и томных девиц на выданье. Хитроватые торговцы, приторно улыбающиеся так, что казалось, ещё чуть-чуть и они изойдут потоками мёда и патоки. Наёмники всех мастей и полов, сильные, немногословные, держащиеся особняком. Мастерские и владельцы мастерских со всей округи, ревниво поглядывавшие друг на друга. Были, разумеется, и шпионы – как и Дирина, так и Нилида, городского главы. Попадались также одинокие путники, случайно оказавшиеся в Ские накануне ярмарки и застрявшие по случаю праздника, и всякая шушера, вроде осевших сводников и профессиональных шулеров. В общем, «Приют» был самым подходящим местечком, чтобы затеряться без следа.

Пока Орри разминал затёкшие ноги, Рэй спрыгнул на мостовую и мгновенно исчез внутри здания. Итлунг разразился пространной благодарственной речью, умудрившись и на сей раз ничего не сообщить о себе, своём прошлом, настоящем, а также планах на ближайшее будущее. Выдержав соответствующую величину момента мину, я вежливо попрощалась, и коляска покатила дальше, к центру города. Оглянувшись, я увидела напоследок, что худая серая фигура возникла рядом с Орри, но, как я и предполагала, до прощаний не снизошла. Странно было бы и представить, чтобы этакий злюка хотя бы рукой махнул.

– Жаль, что мы их больше не увидим, – вздохнула Лота.

– С чего бы? – возмутилась я. – Мы сделали для них всё необходимое. И, по правде говоря, хорошо, если мы больше не встретимся, поскольку следующая наша встреча окончится плохо. Для нас. По-моему, Орри умудрился ввязаться в мерзкую историю, настолько скверную, что я меньше всего хотела бы оказаться замешанной тоже.

– Ты же его спасла! – дивно тоненькие чёрточки бровей Лоты удивлённо вспорхнули вверх.

– Ну да, – проворчала я. – Мне вечно нужно во что-нибудь вляпаться. Кризис среднего возраста.

– Он похож на принца из легенды, – мечтательно протянула Лота.

– Итлунг как итлунг. Хоть и держится с людьми на равных, что странно... – я вовремя прикусила язык, чуть не добавив «для его положения».

– Вряд ли он женат, – зарумянилась и потупилась Лота. – Он такой юный.

– Не мечтай, – одёрнула её я. – Наверняка у него есть невеста, та, с которой их помолвили ещё в колыбелях, подписав при этом брачное соглашение на полсотни страниц – кому какие земли отходят и что достанется будущим внукам. Итлунги никогда не женятся по любви, Лота. Для них это слишком большая роскошь.

– Я ни о чём похожем не думала, – она вспыхнула ярче макового цвета. – Просто он такой... обворожительный.

– Отлично, – усмехнулась я. – Хочешь, повернём обратно,

чтобы ты могла ему в этом признаться?

– Арин! – ужаснулась Лота. – Как тебе не совестно предлагать такое! Разве может приличная девушка первая заговорить о таких вещах с мужчиной?

– Откуда я знаю? Я же бессердечная, грубая старая дева. Вряд ли мне когда-нибудь повстречается мужчина, который заставит меня задуматься о подобном. И уж конечно не его внешность послужит тому причиной... Поедем в «Ключ», Лота, пока Мириан не раздала все номера.

«Ключ» был единственным местом, где я притерпелась жить во время пребывания в городе. Хозяйкой гостиницы являлась женщина примечательных наружности, характера и, не сомневаюсь, судьбы. Настоящее происхождение она скрывала тщательнее, чем иной мастер бережёт секреты своего ремесла, возраст Мириан определить было невозможно. «Ключ» она содержала в образцовом порядке, постояльцев с улицы не брала. Её гостями были постоянные клиенты, останавливающиеся в гостинице из года в год. Всех она знала наперечёт, в лицо, чтобы получить номер у Мириан, требовалось поручительство как минимум двух завсегдатаев.

Я останавливалась у Мириан всегда, когда приезжала в Ские. Первый раз меня привезла сюда Неда – года в три, если не путаю. Здесь я жила, когда училась в школе, с двенадцати до двадцати лет, за вычетом каникул и праздников. За мной была закреплена чудесная солнечная комната на втором этаже, окнами в парк. Мириан удостоивала меня кивком

и неизменным вопросом о здоровье отца – крайнее выражение любезности, оказываемое далеко не всем.

Несмотря на поздний для Ские час, она самолично восседала за конторкой, ожившая восковая фигура в неизменном строгом чёрном платье, с волосами, стянутыми на затылке в гладкий узел. Я шагнула ей навстречу.

Непостижимым образом пол вдруг оказался у меня прямо перед глазами. Напряленная в спешке и забытая за время путешествия юбка напомнила о себе. Я растянулась во весь рост, умудрившись одновременно подумать о трёх вещах: чистоте пола, целостности костей и о том, не был ли человек, придумавший юбки, убеждённым женоненавистником. Красная от гнева, я, наконец, получила ключ от комнаты, расписалась в амбарной книге Мириан за себя и Лоту, заказала ужин на двоих в обеденном зале и удостоверилась, что Огонёк и Звёздочка устроены должным образом.

Первое, что я сделала, поднявшись в комнату, – это сорвала злополучную юбку.

После ужина, восхитительного, как обычно (Мириан всегда держала отменных поваров), приняв ванну, Лота завалилась на диван со свежим журналом мод (по-моему, материализовавшимся из воздуха, хоть она и щебетала что-то о любезной соседке по столу) и заявила, что не в состоянии ше-

вельнуть ни рукой, ни ногой. Я, напротив, находилась в возбуждённом состоянии духа, не приглушённом ни поездкой, ни наступлением вечера. Устав мерить шагами ковёр от окна до двери, я решительно заявила, что пойду дышать свежим воздухом, благо, прогулки перед сном полезны для здоровья. Лота посмотрела на меня с неподдельным ужасом и кротко кивнула.

Темнело, Ские погружался в сумерки. Не прозрачно-голубые, весенние, не бархатно-синие, зимние, а сочно-лиловые, осенние, прочерченные блестящими лучами шпилей, позолоченных заходящим солнцем. Улицы были чисты и пустынные. Накануне праздника все спешили хорошенько отдохнуть и выспаться. Одно за другим гасли окна, стихали звуки. Редко-редко мне навстречу попадался прохожий, торопящийся или домой, или в гостиницу. Вечерние прогулки в Ские не в моде. Гуляют днём, по ровным дорожкам центрального парка (две аллеи, три скамейки), чинно раскланиваясь со знакомыми. Я же люблю сумерки, не день и не ночь, время кошек и мечтателей... И не свойственных людям поступков.

Я кружила по улочкам без цели, старательно не думая ни о чём, наслаждаясь видом разноцветных булыжников мостовых. И поняла, что обманывала себя, лишь уткнувшись в щит с изображением краснощёкого пьяницы со сползающей с плечи короной. «Приют старого короля» подмигивал мне рядами светящихся окон. Остановившись, я возмутилась. Честное слово, не хотела здесь оказаться! Я и дороги

сюда от «Ключа» раньше не знала! Но факт – вещь упрямая. Отругав себя, как я того заслуживала, немедленно развернулась и почти бегом поспешила обратно.

Мой путь лежал, конечно же, в обход парадного входа, мимо открытой террасы ресторанчика с несколькими вытасченными на свежий воздух столиками и плетёными креслами, в которых сидели люди... Странно как-то сидели. Один из них держал руку с кувшином над стоящим перед ним стаканом – причём стакан был пуст, а наклон кувшина заставлял усомниться, что из него вообще что-нибудь выльется. Женщина рядом с ним упорно смотрела на кусок рагу, насаженный ею на вилку, но явно не собиралась положить его в рот или на тарелку. Ребёнок свесился через ручку кресла, потянувшись за упавшим лакомством. Я подошла поближе, терзаемая нехорошими предчувствиями.

Они были живы. Это заставило меня вдохнуть воздух, до того ставший вдруг слишком густым. Опять Заклятие Покоя. Наложено мастерски, аккуратно по границе «Приюта», чтобы удостовериться в этом, мне пришлось досконально обследовать нижний этаж. Застывшие люди производили жутковатое впечатление, но я запретила себе до поры до времени поддаваться панике. Затем методично обошла все номера и холлы, насмотревшись такого, от чего нормальные девушки давно валялись бы в обмороке.

То, что я искала, обнаружилось довольно быстро. Ожидаемо пустую комнату со свежевыломанной дверью. Следов

сопротивления не было, да и быть не могло: Заклятие Покоя одинаково хорошо действует как на людей, так и на итлунгов. Разбросанных вещей – тоже, поскольку обзавестись ими не было времени. Больше для очистки совести я обошла оставшиеся комнаты, убедилась в отсутствии Орри и Рэя и вернулась к исходной точке. Мне необходимо было подумать. Опустившись на один из скрипучих плетёных стульев, я прикрыла глаза.

Итак, наш маскарад оказался бесполезен. Итлунга с приятелем (не без помощи магии) выследили и забрали с собой, в очередной раз погрузив в небытие. Сделал это Керт или вмешалась иная сила, определить невозможно. И не нужно. Вопрос, который мучил меня, заключался в другом: что в этой ситуации делаю я? Зачем, вместо того чтобы смотреть сладкие сны, торчу в этой гостинице? Ладно, раскопать Орри меня заставило неуёмное любопытство, притащить его домой – крошечная капля сострадания, помочь ему – следствие первых двух поступков. Но какой леший занёс меня сюда? И Орри, и Рэй мне чужие. Я не в курсе их целей, не знаю их самих, неизвестно даже, правильно ли я поступила, приняв участие в их судьбе. Они могут оказаться кем угодно, в том числе и преступниками. Почему же мне не успокоиться, не проверив, что с ними?!

Стеклянные глаза мирцри.

Мягкие шаги шести лап, пушистая кисточка хвоста. Скользящие в полумраке Лёса тени. Нечто. Неподвластное,

величественное, непостижимое, вне человеческих передраг, над нашей суетой и мелочностью. Торжественное, как сам Лес, всеобъемлющее, как воздух. Легенды, будоражащие воображение, редкие живые встречи, о которых с благоговением рассказывают детям и внукам. Сколько помню себя, мирцри считались божествами Лёса, явление которых приносило людям удачу и просветление. Существующие не рядом с нами, а над нашей жизнью, в своих мире и времени, чей век невозможно измерить, и не было ещё того, кто смог бы их постичь.

Зато нашёлся тот, кто захотел и смог их покорить. Лишить воли, заставить служить, подобно скотине, словно мало ему подчинённых людьми животных, взятых с собой во время Переселения. Человек – или итлунг, невелика разница, – посягнувший на мирцри, мог сделать это из самых достойных побуждений, только суть от того не меняется. Мы стремимся всё подчинить своей воле. Конечно, единственно ради всеобщего блага! Но есть нечто, чего мы не должны касаться – никогда, ни с какой целью! Например, мирцри.

И я – я не Орри с Рэем пытаюсь помочь. Я выступаю против того, кто собирается обесценить тысячелетнюю тайну Авендума. Хватит того, что мы утратили половину нашего прошлого – прошлого итлунгов, которого почти никто не помнит. Их древний певучий язык, из которого созданы Заклинания, вытеснен более простым человеческим. Кто говорит на нём сейчас? Жрицы древних Храмов да жалкая сот-

ня магов, и те в большинстве случаев заучивают руны наизусть, не понимая смысла! Их легенды и песни забыты, обряды не соблюдаются – самими же итлунгами, настаивающими на своей исключительности и постепенно её теряющими. Вынужденные бороться за выживание, они подстраиваются под тех, с кем им приходится соседствовать. Перенимают наши привычки, перекраивают свои имена. Почему произошло так, а не иначе, почему в мире, состоящем из двух половин, одна за тысячу лет умудрилась освоиться и процветает, а вторая вымирает? Этого мы уже не узнаем. Но нельзя осквернять ещё и мирцри, низводя их до положения скотины!

Я не позволю.

Поднявшись со стула, я окинула взглядом застывших людей, на секунду сосредоточилась. Заклятие соскользнуло легко и мягко, словно лисья накидка с плеча. Женщина положила в рот кусочек рагу и поморщилась – блюдо безнадежно остыло. Ребенок заёрзал в кресле. Никто ничего не заметил, я же не стала кричать во всеуслышание, что не снятое вовремя Заклятие Покоя может иметь определённые последствия. Со смертельным исходом. По счастью, действовало оно недолго и повредить никому не успело.

Оставшись незамеченной, я пошла обратно, решительно и целеустремлённо. Мириан всё так же чопорно восседала за стойкой, хотя просторный холл «Ключа» давно пустовал и вряд ли на ночь глядя ожидалось посетители. На моё позд-

нее появление бесстрастная хозяйка гостиницы никак не отреагировала, лицо её было по-прежнему застывшим, словно маска. Много раз я врывалась, влетала, впархивала и вползала в «Ключ», но неподвижность этих черт не менялась, приди я глубоким вечером, среди ночи или под утро. Сегодня я нарушила обычный маршрут – мимо конторки, через холл, наверх по лестнице, вприпрыжку через ступеньки. Нарушила я его потому, что в Ские могла довериться только этой странной неразговорчивой женщине, с которой много лет подряд обменивалась лишь скупой парой слов.

– Миа-ир-Иан, – сказала я, – мне нужна твоя помощь.

Некоторое время она буравила меня бездонными карими глазами, неестественно огромными на худощавом лице. Затем плавным жестом указала на стул рядом с ней. Я села, не отводя от неё взгляда.

– Какая? – спокойно спросила она.

– Мне нужно отлучиться. Присмотри за Лотой. Я могу задержаться. Если она спросит, где я, ответь... что угодно, лишь бы она не бросилась меня искать и не кинулась бы к отцу, а главное, не подняла бы панику.

Наводить панику Лота умела. При одной мысли об этом по коже поползли мурашки. Но Мириан, Миа-ир-Иан, своим невозмутимым видом успокоит кого угодно, даже Лоту. Даже если скажет, что я сбежала с проезжим наёмником и стала его женой в ближайшем Храме или пошла пешком в Арванди, дав благочестивый обет. По мне, так любая ахинея

из уст Мириан прозвучит вполне правдоподобно.

– Во что ты ввязалась на сей раз, Арин? – прервала мои размышления Мириан, и я честно ответила:

– Сама толком не знаю.

Она коротко кивнула, да так и осталась сидеть, глядя в натёртый до блеска пол и на подол бархатного лилового платья. Я восхищалась ею. Из сотен моих знакомых лишь мой отец и она могли столь спокойно реагировать на мои сумасбродства, не пытаясь лезть в душу и выпрашивать то, что самой мне было неведомо.

– Это Неда? – нарушила молчание Мириан.

– Нет, – догадалась, о чём она, я. – Неда только сказала однажды, что тебе можно доверять.

– Тогда откуда ты узнала?..

Я вздохнула, одинаково не желая ни врать, ни говорить правду. К сожалению, первое не оставляло мне выбора.

– У меня врождённые способности. Я умею определять, кто передо мной – человек или итлунг, и иногда угадываю имена последних.

– Иногда?

Я вздохнула ещё горше.

– Всегда. Это приходит само. Смотрю на собеседника – и понимаю, как должно звучать его подлинное имя.

Мириандохнула мне в лицо:

– Неда знала?

Вечер. В камине затухают, тихонько потрескивая, угольки. Лампа на столе бросает жёлтый круг света на раскрытую книгу. «Азервийлини», седьмая книга песен. Написанная, конечно же, выцветшими от времени итлунгскими рунами. Я вожу пальцем по витиеватым строчкам, упрямо разбирая старые письма. «И долгий взгляд дарит она, но нет во взгляде том прощения...»

– Неда, – канючу я, – как это – нет прощения?

– Значит, не может простить. Читай дальше, Арин.

– Почему не может? – не отстаю я.

Читать я устала, песни длинные и, на мой вкус, безнадежно унылые. Даже любовь в них – самая страшная беда, которая только может случиться с человеком. То есть с итлунгом, конечно.

– Потому, что прощать непросто, – Неда снисходит до того, чтобы оторвать взгляд от шитья, разложенного на её острых коленях, и обратить на меня внимание. – Есть вещи, которые простить нельзя. Продолжай.

Но мне попала вожжа под хвост, как говорит отец. Всё что угодно, только не послушание. Я фыркаю.

– Почему же тебя называли всепрощающей?

Неда вздрагивает, пальцы стучаются об стол.

– Кто тебе сказал?

– Никто. Это легко. «Ней» – прощение, «Диа» – всё. Ней-ид-Диа, прощающая всё, всепрощающая.

– Ты забыла «ид», – спокойно произносит Неда.

– У-у-у. Частицы ничего не значат.

– Значат, – сурово сдвигает брови няня, – «ид» – четырнадцатая в списке. Означает «отказавшаяся от себя». Завтра возьмёшь Основную Книгу Имён и выучишь все тридцать частиц.

Глаза у меня лезут на лоб, а рот недовольно кривится.

– Все?! Это слишком тяжело! Там текста страниц сорок, да ещё и мелкими рунами!

Неда усмехается, складывая рукоделие в шкатулку.

– Не труднее, чем читать имена. Особенно скрытые.

Её мягкие загорелые руки аккуратно и неторопливо собирают иголки, сматывают разноцветные нитки, сворачивают лоскутки.

– Раз уж ты – Читающая, так уж будь добра читать правильно.

Радость мешается во мне с досадой от предвкушения нуднейшей зубрёжки. Первое пересиливает: я касаюсь края её передника.

– Неда, а я верно угадала твоё подлинное имя?

Она разворачивает меня к себе спиной, частым костяным гребнем расчёсывает спутавшиеся за день волосы и заплетает их на ночь в косу – процедура болезненная, но я терплю в ожидании ответа. И дождаюсь.

– Читающие не угадывают, Арин. Они знают.

– Знала, – отвечаю я Миа-ир-Иан.

Красивое имя. Но совершенно ей не подходящее. «Миа» – рассвет, «Иан» – мягкость. Частица «ир» – самая распространённая из списка, заученного мною благодаря Неде, и переводится она как «притягивающий, влекущий». Манящая мягкость рассвета. Складывается впечатление, что имена итлунгам даются по злой иронии. А может, в шутку. Самая необъятная толстушка в Скируэне с хутора Гдóни (да-да, встречаются среди итлунгов и такие!) щеголяет имечком «Гибкая ива, ласкающая взор». Хорошо, что для всех прочих она – Лайн и ничего больше. Читающих во все времена – двое-трое на весь Авендум. Мы старательно скрываем свой дар. Почему? Вы не поверите, до чего выразительными и не соответствующими занимаемому положению бывают итлунгские имена. Глава Ские Нилид вряд ли возгордился бы, если каждый горожанин узнал бы его настоящее имя, означающее «Крошечная тучка в вышине».

Мириан перевела взгляд на мой наморщенный нос и хмыкнула:

– Смею я чем-нибудь ещё помочь тебе, Читающая, кроме как приглядеть за юной родственницей?

С секунду поколебавшись, я спросила:

– Тебе о чём-либо говорит имя Керн-ит-Ирт?

– Интересуешься вымышленными персонажами древних Пророчеств?

– Ага, несуществующими. Настолько, что вчера в Мерде-не я столкнулась с ним нос к носу. Эта ожившая реликвия закопала в Лесу, словно куль с навозом, итлунга королевской крови, скованного Покоем.

Миа смотрела на меня не мигая. В расширенных зрачках отражалось моё искажённое иронией лицо на фоне красноватых светильников. Затем она слово в слово повторила слышанное мною вчера от отца:

– Ты уверена, что тебе следовало вмешиваться, Арин? Вражда между кланами итлунгов не редкость. Тебя ничто не принуждает вставать на защиту того, о ком ты ничего не знаешь.

– Меня попросили.

– Кто?

– Лошади Керта.

– Кто?!

– Лошади. Симпатичные такие, пятнистые, шестилапые, остроухие. С подавленной волей и затуманенными взорами. Так тебе знакомо имя Керн-ит-Ирт?

Она сжала руки так, что побелели костяшки пальцев.

– Только легенда, Арин. Об итлунге с именем предателя, чьё появление предсказано Лиэйралем. Но ты же знаешь, это пророчество признано ошибочным. Оно страшное, потому

что...

Потому что «...не станет ни людей, ни итлунгов, и всё, во что вы верили, окажется ложью...».

Я рывком поднялась со стула, словно испугавшись неволь-но прозвучавших в голове жестоких строк. Моя тень скакну-ла вверх, через поникшую Мириан, через стойку, на цветные плиты пола.

– Мне пора, Миа. До встречи.

Она что-то ответила, я не расслышала. Прошла к двери, отворила её, вышла в ночь. Фонари окутали город золоти-стой дымкой. Ские спокойно спал, словно почтенный фер-мер после праведных трудов. Окна почти не светились, так, редкие огоньки, один на добрую сотню домов. Я размеренно вышагивала, выстраивая в порядок мысли.

Я пыталась вообразить себя Кертом, влезть в его шкуру, угадать ход его мыслей. Вот я настигла ускользнувшую от меня жертву. Не без помощи Сети, конечно. Что дальше? Ские мне незнаком. Или знаком? Нет, в Мерден я пробрался окольным путём. Может быть, Тропами? Может. Главное, не знаю города. Время меня не торопит. Случайные свидетели устранены. Жертва в моей власти. Один удар меча – и всё кончено. Нет, раз я не заколол парня в Эрлинге, значит, то-му есть причина. Мне нужна другая смерть. Смерть без про-лития крови. Опять эта кровь! Есть же какая-то легенда... легенда... кажется, о Храме... Память девичья! Хорошо, ка-кая смерть бескровна? Удушение? Отравление? Утопление?

Я зол. Моим планам помешали. Вряд ли я стану рисковать, перетаскивая пару тяжёлых тел ещё куда-то. Меня устроит относительно безлюдное место. Недалеко от «Приюта».

Заброшенная ткацкая фабрика всплыла в голове сама собой. Пять минут ходу от гостиницы, закрыта года три назад, заросла кустарником, видна с подъездной дороги. Из охраны – один сторож на главных воротах. И – ну да! – там есть водоём, приличных размеров пруд, откуда когда-то брали воду, связанный с рекой перекрытой протокой.

Шаг у меня стал напряжённым, пружинистым. Может, моя догадка неверна, но проверить её стоило. Конечно, самая лучшая проверка – пошарить наугад Сетью, заклинанием, отыскивающим живые существа. Но я – не Лиэйраль, вряд ли смогу проделать это тайно от того, кто, возможно, ждёт подобных вещей. Посему – вперёд, Арин, шагай тихо-нечко как мышка. Я вспомнила мышей на нашем сеновале, топающих, словно тяжеловозы, и хрюкнула от смеха.

Улица тем временем постепенно подбиралась к заброшенной фабрике, а по улице в состоянии крайнего возбуждения кралась я. В сараюшке сторожа горел огонёк. Притиснувшись боком к окну, я осторожно заглянула внутрь. Сторож, посапывая, клевал носом в полутьме перед железной печкой. Присмотревшись, я различила на столике рядом грязный стакан и пару пустых винных бутылок. Осмелев, сначала поскребла, затем постучала в окошко. Обращённый ко мне силуэт не шевельнулся, только сопение перешло в храп. Путь

свободен. Внутренних размеров ворота были закрыты и заперты на гигантский проржавелый замок, но сам забор напоминал скорее хлипкую рыбацкую сеть, к тому же давно не чиненную. Отыскать в нём дыру и скользнуть в неё было делом нескольких секунд.

Территория фабрики выглядела безлюдной, заброшенной, загромождённой кучами мусора и старым хламом, заросшей сорными травами и мхом, глушившим шаги. Я на цыпочках пробиралась в глубь, изображая разведчика во вражеском тылу. Врагами стало всё: предательски хрустящие под ногами обломки, жгучая крапива в человеческий рост, сложенные прямо на землю тюки, ящики и прочая дребедень, загораживающая и без того узкие проходы. Тишина царила гробовая. Каждый треск под ногой раздавался в ушах оглушительным грохотом. Я застывала на месте, беззвучно ругалась и шла дальше – чтобы чуть погодя наступить на что-то ещё. Знать бы заранее – играла бы в детстве в шпионов, а не в магов!

Водоём выглянул из-за очередного полуразрушенного строения чёрным блестящим блюдцем с каймой из ряски, в котором, за неимением лучшего, купались звёзды. В воду плавно уходили широкие каменные ступени, ограждённые толстой решёткой перил. К перилам были привязаны две тёмные фигуры, не подающие признаков жизни. Моё сердце лихорадочно заколотилось, но я сдержала первый порыв броситься вперёд без разбору и оглядки. Наоборот, я зата-

илась за углом ближайшей развалюхи, стараясь даже не дышать. Керту можно было отказать в везении, но только не в уме и осторожности.

Через минуту я поняла, что не ошиблась. У противоположного конца пруда возникла какая-то возня, слышался шум, сильный плеск, затем ровное журчание воды. Ряска зашла волнами, и мне почудилось, будто уровень воды в водоёме стремительно поднимается. Казалось, звёзды хотят выбраться наружу. Чёрный силуэт на том берегу, показавшийся мне гигантским, распрямился и удовлетворённо выдохнул. В темноте я могла разглядеть только габариты его массивной фигуры и нечто металлическое на голове – скорее всего, шлем. При движениях великана слышалось бряцание шпор – следовательно, лошадь всадника неподалёку. Обычная, надеюсь. Двигался гигант неспешно, уходить явно не торопился, словно чего-то ждал.

Я поняла чего, когда перевела взгляд на привязанных к решётке. Вода уже доходила им до подбородков и продолжала прибывать. Верзила разрушил плотину, отделяющую искусственный пруд от реки, и волны с жадным нетерпением устремились по новому пути.

«Ну же, Арин! – подстегнула я себя. – Думай быстрее, иначе тебе достанутся только трупы!»

Положеньеице складывалось аховое. Выскочить из засады равнозначно самоубийству. Здоровяк был выше меня на голову и сильнее раз в сто. К тому же он мог оказаться магом.

Пока я добегу и развяжу пленников, он сразит меня если не заклятием, то ловким броском кирпича. Почему-то я не сомневалась, что запрет на кровопролитие, наложенный Кертом на Орри, меня не касался. Первой связать его заклятием? Не успею! Нет уверенности, что его не начнут искать и найдут... Думай, Арин, думай. Вода прибывает. Вода...

– Спорим, я просижу под водой дольше? – хвастливо заявляет Тони.

Я морщусь.

– Заливай! Ты вылезешь раньше, чем я досчитаю до ста.

– Спорим? – не отстаёт он. – Я выиграю! Ты не умеешь нырять!

Я не умею. Но проспорить Тони?! Мне в голову приходит идея, и я уверенно задраю нос.

– Проверим?

Лейна, выбранная судьёй, важно машет рукой.

– Начали!

Мы с одинаковым радостным визгом плюхаемся в реку. Вода бьёт в нос, шумит в ушах. Со страху чуть не захлебнувшись, я быстренько пробулькиваю четыре строчки, втайне от Неды недавно выученные из Книги Стихий. Вокруг моей головы образуется пузырь воздуха. Я осторожно выдыхаю и удовлетворённо понимаю: опасность утонуть мне не грозит.

Вода плещется за пределами пузыря, слышно, как рядом возится Тони, как на берегу монотонно считает Лейна: «Сто двадцать девять, сто тридцать...» Тони, не выдержав, с шумом выскакивает на берег. На меня с укором смотрит потревоженная рыбка. Мне весело, я хохочу. Затем спокойно выхожу из воды, пузырь бесшумно лопается. Тони провожает меня восхищённым взглядом. Я победоносно шествую вперёд – и натыкаюсь на Неду.

– Та-а-ак, – произносит она. – По-твоему, это честно, Арин?

Шмыгнув носом, я молчу.

– Сначала тайком таскаешь опасные книги, затем используешь полученное знание с целью обмана?

Она говорит негромко, Тони её не слышит. Но это уже не важно, я обиженно выпаливаю:

– Задерживать дыхание под водой – врождённый талант. Как и умение пользоваться заклятиями. Тони умеет одно, я – другое, так что мы на равных, Неда!

Няня сурово смотрит на меня из-под грозно сведённых бровей.

– Он – человек. Ты – маг. Ты никогда не будешь на равных ни с одним человеком или итлунгом в Авендуме. Стыдись, Арин! Тебе дана огромная сила. Позорно использовать её для обмана.

Она уходит, неумолимая и непреклонная. Тони и Лейна смотрят в недоумении. Ясно, что мне влетело, но непонятно,

за что. Я подхожу к ним, глядя в песок, и тяну виновато:
– Я сжульничала, Тони. Я... дышала через соломинку. Ты выиграл. Я не умею нырять.

Сколько я смогу продержать воздушный пузырь? Двадцать, тридцать минут? Гигант на берегу терпеливо выжидал. Я решилась. Держать заклятие на расстоянии, оказывается, труднее, чем рядом с собой. Хорошо ещё, что вода поднималась быстро, без задержек, вскоре решётка полностью погрузилась в воду. Здоровяк неторопливо обошёл пруд, наклонился к самой воде. Я сжалась в ужасе. Вдруг он различит пятно воздуха вокруг их голов?! Обошлось. Гигант выпрямился, развернулся и потопал прочь, пройдя в метре от меня. Блеснул металл ножа на боку, скрипнула кожа сапог, звякнули шпоры, в нос ударил тошнотворный запах пота и давно не мытых волос. Меня не почуял, значит, не маг. К тому же, надеюсь, от меня не разит всякой дрянью. Я выжидала, слабея с каждой минутой, но рисковать боялась. Вдруг он не ушёл? Вдруг стоит, подобно мне спрятавшись в тёмном закоулке?

Далёкий цокот конских копыт заставил меня испытать такую радость, какой я не помнила давно. От восторга я чуть не упустила чары, вовремя спохватилась, бросилась к берегу. С трудом разглядела в воде очертания тел. Мама дорогая,

а как я их вытащу? Я же девушка, а не ярмарочный силач! Прибегнуть ещё к одному заклинанию? Да я не удержу двоих сразу! Или утоплю, или надорвусь и всё равно утоплю.

Выход пришёл сам собой. Решётка пулей вылетела из воды, грязь, тина и ряска полетели во все стороны. Несказанно удивлённая делом своих рук (не буквально рук, конечно), я еле успела отскочить. Шлепок получился мощный, хорошо ещё, что берег густо зарос осокой. Верёвка, стягивающая моим невезучим знакомцам руки и ноги, была в мизинец толщины, не меньше. От воды она набухла, а тина зловредно обмотала её плотным слоем. Я почти выла, терзая едва подзажившие пальцы, когда развязывала мастерски выполненные узлы, помогая себе зубами, локтями, ногами и всем, чем только возможно, поминутно отплёвываясь от ряски. Первым я освободила Рэя, проверила сердцебиение – жив. Без сознания и... удивительно, ни следа чар. На затылке шишка, на щеке порез, как ни странно, сочится кровь, не сталь... Ладно, разберёмся позже. Орри был цел и невредим, находясь, должно быть, в уже привычном ему магическом Покое. Посадив его спиной к решётке, я вновь убрала заклятие, только теперь уже отдыхать не позволила: обхватила за плечи и несколько раз хорошенько встряхнула. Он дёрнулся, застонал и попытался освободиться.

– Потихе! – я встряхнула его ещё разок. – Это я, Арин!

Он открыл глаза и уставился на меня невидящим взглядом. Радужки лихорадочно меняли цвет: голубой, зелёный,

жёлтый, серый, карий, опять зелёный. Итлунг был в шоке. Я похлопала его по щекам, надеюсь, легонько.

– Арин? – послышалось за моей спиной.

Рэй приподнялся на локте и смотрел на меня как на призрака. Впрочем, недоумение на его лице быстро сменилось обычной смесью подозрительности и тревоги.

– Орри?!

– Живёхонек. Пока в шоке. Я резковато сняла за...

Тут я прикусила свой не в меру длиннющий язык, но было уже поздно. Рэй подскочил ко мне пошатываясь, но вполне свирепо.

– Ты маг?

– Поосторожнее! – осадила я его. – Ишь, распрыгался! Какая тебе разница, кто я?

Он смотрел на меня не мигая. С волос свисала тина и капала вода. Потрогал затылок, поморщился. Я исподлобья следила за ним. Даже избитый и полуживой он был опасен. Я чувствовала это – и не боялась. Просто наблюдала.

– Как ты здесь оказалась?

– Прогуливалась! Я всегда гуляю на сон грядущий. Сегодня прекрасная ночь для прогулок. Так и тянет подышать свежим воздухом.

От пруда несло затхлой водой, ряской и поднятой со дна вонючей тиной. Губы Рэя изогнулись в ехидной усмешке. Я дерзко смотрела ему в глаза. Не знаю, до чего бы мы дошли, если б не Орри – благодаренье Святой Йоле! – пришедший

в этот момент в себя. В отличие от своего непредсказуемого спутника, итлунг повёл себя соответственно ситуации, жалобно стонал и откашливался. Он долго озирался по сторонам, затем картинно воззрился на меня и минут десять вникал в происходящее. Наконец, разобравшись в положении, он сделал то, что и полагалось, – поклялся мне в вечной преданности.

Но Рэй не унимался:

– И всё-таки как ты нас нашла?

Я глубоко вздохнула.

– Я же говорю: гуляла. Гуляла-гуляла и набрела на гостиницу, полную постояльцев с наложенным Заклятием Покоя.

Орри тихо охнул.

– А дальше? – напирал его спутник.

– Дальше? Мне стало жутко любопытно, ради кого это затеяно. Заклятие, одновременно наложенное на сотни человек, не семечки, знаете ли. И во всей гостинице отсутствовала только одна пара прибывших накануне – догадайтесь кто.

– Но сюда тебя что привело? Или кто?

– Моё дурацкое чувство сострадания! – потеряла терпение я. – В следующий раз пройду мимо, даже если вас будут резать на кусочки! Чтобы потом не отвечать на идиотские вопросы! Что ты хочешь знать? Подослана ли я Кертом? Ответ – нет! Сюда меня привела простая догадка, как оказалось, – правильная. А теперь можете проваливать на все четыре стороны! Мне нет дела до вечного дележа власти меж-

ду итлунгскими кланами! Я влезла во всё это только потому, что Керт посягнул на вещи, которые, можете себе представить, мы здесь, в Скируэне, чтим! Уматывай к царственному папочке, Приносящий Весть, и пусть дальше он заботится о твоей безопасности!

Вот теперь он заткнулся. Даже больше: оцепенел, замер с полуоткрытым ртом. Лишь глазищи сверкали зловещим блеском.

– Читающая, – потрясённо выдавил Орри. – Ты – Читающая!

– Также пишушая, говорящая и даже думающая! Что с того?

Рэй сделал широкий шаг и встал вплотную ко мне, настолько близко, что я слышала, как ровно и часто бьётся его сердце, а волосами касалась щеки – абсолютно целой. Может, рана мне почудилась? Или кровь была чужой?

Он не дал мне додумать, осторожно заглянув в лицо.

– Арин, ты Читающая и маг. Ты признала в Орри итлунга и королевскую кровь – думаю, с самого начала. Неужели ты полагаешь, что мы с Кертом не поделили власть в Авендуме? Ты не представляешь, насколько всё сложнее и запутаннее!

– Не представляю и не хочу! – мстительно заявила я. – И вообще, отойди! С тебя ряска сыплется! Я нагулялась и ухожу!

Орри... нет, Одри-ир-Рйи, умоляюще схватил меня за локоть.

– Арин, постой. Погоди!

В его взгляде сквозило отчаяние.

– Не уходи, Арин! У Керта власть, сила, союзники... Мы же связаны внезапностью нападения, отсутствием времени, невозможностью довериться кому-либо, обязанностью во что бы то ни стало хранить всё происходящее в тайне... Помоги нам, Арин! Я чувствую, ты из тех, кто способен помочь...

Я чуток поостыла. Хвалёная гордость итлунгов склонялась перед моей скромной персоной и молила о спасении. Наверно, я должна была чувствовать себя польщённой и с радостью кинуться навстречу передрягам... Вот только лет мне было много, а доверчивость с годами как-то теряется. И я слишком хорошо понимала, о чём меня просят.

– Прости, Одри-ир-Рии, – тихо сказала я. – Не буду я вам помогать. Я действительно не представляю, в чём вы увязли, вижу только, что вляпались крепко, по самую макушку, и не просто в тину. Я не встану на вашу сторону по первой просьбе, пусть даже она исходит из уст сына короля и будущего лорда Авендума.

– Ты нам не доверяешь? – вмешался Рэй.

– А вы – вы мне доверяли?! – вспыхнула я. – Кто мешал вам на хуторе отца открыто попросить моей помощи? Даже имена приходилось тащить из вас клещами! Нет уж, прощайте! У меня и дома работы по горло!

Я развернулась и пошла прочь, уже не заботясь о тишине

шагов. Крапива напоследок одарила меня жгучими волдырями. Сожаления не было. В конце концов, я и впрямь ничего не знала об этих двоих.

В «Ключе» свет горел лишь в фонарях у входа. Полутёмный холл был пуст. Я поднялась в комнату и повалилась на кровать не раздеваясь. Также не умываясь, не причёсываясь, не почистив зубы, короче, не делая тысячу вещей, положенных благовоспитанной девице. Моя благовоспитанность – предмет спорный. Иногда я предпочитаю о ней забыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.